

СОБОР «ПРИМИРЕНИЯ» 1549 ГОДА
И ВОПРОСЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

(на перепутье к земским реформам)

Так уж сложилось, что XVI век стал переломным этапом в истории России. Именно тогда решался вопрос, по какому пути пойдет Россия: по пути подновления феодализма «изданием» крепостничества или по пути буржуазного развития, пути для того времени более прогрессивному, а главное менее пагубному для крестьянства. Конечно, Россия XV—XVI вв. отнюдь не была передовой европейской страной (двухсотлетнее татарское иго сделало свое дело), но все же в ней как раз в этот период, вплоть до середины XVI в., наблюдается в целом такой интенсивный экономический подъем, который (при определенных благоприятных условиях) мог бы явиться началом весьма серьезных сдвигов во всех сферах ее жизни, сдвигов буржуазного, вернее предбуржуазного, свойства. Симптомы этого уже давали о себе знать еще в конце XV в., особенно на посадах и в черносошных районах страны. И если в России в результате «ивановой опричнины» и «великой крестьянской порухи» конца XVI в. все-таки победило крепостничество (в сфере социальной и не только крестьянской) и самодержавие (в сфере политической), то это отнюдь не результат их прогрессивности в условиях русской действительности XVI в. и отнюдь не доказательство того, что русский народ не мог пойти по другому пути. Но зато это та основная, «объективная» причина, которая придавала всем сословно-представительным учреждениям феодальной России — а без них даже Иван Грозный не мог обойтись — половинчатый и незавершенный характер, характер придатка самодержавия, а не силы, ему противостоящей. Это, конечно, не особенность одной России, но в России для этого были свои исторические опосредствования.

Отсюда, наконец, и то на первый взгляд странное переплетение «земских» и «приказных» начал в жизни русского общества XVI в., которое нашло свое выражение не только в деятельности местного земского самоуправления, но и в деятельности московских Земских соборов и Боярской думы — этих, пожалуй, наибо-

лее сложных и противоречивых политических институтов российской феодальной монархии XVI столетия.

И последнее. Борьба за политическую централизацию в России протекла в ожесточенной классовой борьбе, достигшей особой остроты именно в XVI в. И главным в этой борьбе был вопрос о власти. Но это отнюдь не означает, что наиболее последовательными носителями идей национального и государственного единства России были сторонники самодержавия. Такая позиция ведет к идеализации самодержавия как якобы наиболее прогрессивного строя для России XVI в. и упрощению понимания самого процесса становления Русского централизованного государства, его движущих сил. Вряд ли правильно также и изображение московского боярства XVI в., представляющего в своем лице крупную земельную знать, обязательно как принципиального противника централизации — носителя политического регресса. На самом деле позиция боярства была и сложнее и далеко не так отлична от позиций дворянства, с которым его связывало общее стремление к обеспечению своего классового господства над широкими слоями крестьянства и посадских людей. А что значительная часть боярства (как иногда и дворянства) под предлогом защиты «старины и обычая» выступала против усиления самодержавия, то из этого еще не следует, что боярство вообще стремилось к реставрации порядков феодальной раздробленности (ведь и царь Иван, вводя опричнину, порядился в тогу ярого поборника удельной старины), которые были уже отброшены самой жизнью и восстановление которых в новых экономических условиях не сулило для московских бояр никаких особых выгод. Иначе говоря, боярство боролось (и то не всегда и далеко не все) не вообще против всякой централизации, а за такую централизацию, которая более соответствовала бы его социальным и политическим интересам в новом государственном порядке, и главным условием этого ставило ограничение самодержавия Боярской думой — палатой лордов, казалось бы, зарождавшегося в XVI в. русского парламента. Это отнюдь не означает, что боярство было «демократичнее» дворянства, но объективно, в силу своего экономического положения как сословия крупных земельных собственников, оно было менее заинтересовано и в массовом захвате черныхосных земель и в государственном закреплении крестьянства, чем мелкое и среднепоместное дворянство, а следовательно, и менее пуждалось в укреплении военно-бюрократического самодержавного строя. В этом отношении его интересы иногда даже могли совпадать с интересами верхов посада, упорно добивавшихся создания более благоприятных условий (по условиям отнюдь не крепостнического порядка) для развития своей торговой и промышленной деятельности. И еще надо подумать, было ли насильственное разрушение (в угоду поместной системе) крупного боярского вотчинного землевладения, начатое на новго-

родских землях еще Иваном III и доведенное до апогея Иваном Грозным в годы опричнины, экономически и политически положительным фактором для истории России. Может быть, и этот столь распространенный в историографии «тезис» следует пересмотреть. Ведь никто и никогда еще не доказал, что в крупных феодальных вотчинах XV—XVI вв. были худшие условия для развития мелкопоместного крестьянского хозяйства, чем на поместных землях (уже одна хозяйственная деятельность крупных русских монастырей — тому явное противопоказание). Не следует ли и об этом подумать? Что же касается почти полного исчезновения к началу XVII в., во всяком случае в центральных районах страны, свободного черносошного крестьянского землевладения, столь беспощадно и поразительно быстро поглощенного поместной системой (вот тут-то и заслужило самодержавие доверие дворянства!), то его пагубные последствия для всего последующего развития России уже давно известны.

* * *

Еще В. О. Ключевский, специально изучавший земские соборы XVI в., обратил внимание на то, что *«земские соборы возникли у нас в одно время и в связи с местными реформами царя Ивана»*.¹ И это действительно так. Все нарастающая волна городских волнений 40-х годов XVI в. (в Новгороде, Пскове, Великом Устюге и ряде других мест) и особенно «великий» московский мятеж 1547 г. — страшный финал десятилетия боярских распри, народного угнетения и произвола — со всей остротой поставили вопрос о необходимости коренной перестройки существующей системы управления.²

Это касалось в первую очередь органов местной власти как звеньев государственного аппарата, которые не только обеспечи-

¹ В. О. Ключевский. Курс русской истории. Соч., т. II, М.—Л., 1957, стр. 390—391.

² И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века, М.—Л., 1958, стр. 121—138; А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, М., 1960, стр. 279—315. — В указанных исследованиях дается подробная характеристика классовой борьбы в стране в середине XVI в. и ее влияния на реформы 50-х годов. Особое внимание оба автора уделяют изучению причин и характера московского восстания 1547 г. В этом отношении их исследования являются в известном смысле итовыми в изучении данного вопроса в советской историографии, хотя авторы стоят, как мы увидим ниже, далеко не на одинаковых позициях в отношении оценки политических результатов этого крупнейшего городского восстания XVI в. Хочется, наконец, отметить и специальный очерк С. О. Шмидта «Московское восстание 1547 года», в ближайшее время выходящий в очередном томе «Трудов ЛОИИ», посвященном истории крестьянства и борьбы классов в России. В своем новом исследовании, с которым мы, благодаря любезности автора, имели возможность ознакомиться в рукописи, С. О. Шмидт делает дальнейший шаг в сторону раскрытия социальных корней этого восстания, его ярко выраженного антифеодального характера.

вали подчинение местных обществ правительству, но и непосредственно связывали их в единый государственный организм. Но как раз это и требовало, чтобы местное управление было построено на иных политических принципах, отличных от личного вассалитета и вотчинно-приказных начал и институтов периода феодальной раздробленности, принципах, соответствующих и новой классовой структуре общества и новым потребностям становящегося Русского централизованного государства. Этими новыми принципами и стали земское самоуправление и сословное представительство, начало утверждения которых в местном управлении было положено еще губной реформой. Именно они и должны были обеспечить участие в местном управлении не только уездного дворянства, но и все более поднимающих голову представителей посадов и крестьянских миров (черных волостей) в лице их «лучших людей» — городских и сельских богатеев, уже не желавших мириться со своим полным политическим бесправием. А это-то и пугало правительство, так как всегда могло быть стимулом к общим антифеодальным выступлениям крестьянских и посадских масс. Но вопреки мнению В. О. Ключевского, сословно-представительная система управления в России отнюдь не была декларирована правительством сверху в поисках «ответственных исполнителей от общества»,³ а, наоборот, зародилась в недрах самого этого общества и именно им была навязана правительству. Иначе говоря, она была порождена новым соотношением классовых сил в стране, которое сложилось на рубеже XV и XVI столетий и которое отражало выход на политическую арену страны двух новых социальных сил — дворянства и горожан.

По-видимому, уже осенью 1547 г., вскоре после подавления московского восстания, правительство предприняло какие-то шаги к смягчению обстановки в стране (во всяком случае обещания давались).⁴ Но практически оно приступает к проведению реформ лишь в 1549 г., после знаменитых февральских совещаний в Москве.

По сообщению летописи, 27 февраля 1549 г. в «царьских полатах» состоялось специальное заседание Боярской думы с участием митрополита Макария со «всем освященным собором», а также дворецких и казначеев, на котором Иван IV выступил с программной речью («февральской декларацией», как ее обычно именуют в литературе), в которой обвинял бояр в том, что «до его царского возраста от них и от их людей детям боярским и христианом чинились силы и продажи и обиды великие в землях и в холопех и в иных во многих делах», и потребовал под угрозой опал и казней, чтобы «они бы вперед так не чинили». В ответ на это бояре «били челом» царю, чтобы он их простил — «сердца

³ В. О. Ключевский. Курс русской истории, стр. 383—391.

⁴ С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века. История СССР, 1960, № 4, стр. 72—74.

на них не держал и опалы им не учинил никоторые», так как они «хотят» служить ему так же, «как служили и добра хотели» его отцу и деду, а которые «дети боярские и христьяне на них и на их людей учнут бити челом о каких делех ни буди, государь бы их пожаловал, давал им и их людям с теми детьми боярскими и со христьяны суд». Ходатайства бояр были удовлетворены, и царь, прося их «вперед так не чинить», говорил им «умилне» и пожаловал всех «с великим благочестием и усердием».

В тот же день Иван IV выступил с примирительной речью в другом, более широком собрании. «Да и воеводам и княжатам и боярским детям и дворяном болшим, — как сообщает летопись, — то же говорил; и пожаловал их, наказал всех с благочестием умилне». А на другой день, т. е. 28 февраля, «царь и великий князь Иван со отцем своим Макарьем митрополитом и з бояры уложил, что во всех городех Московские земли наместником детей боярских не судити ни в чем, опричь душегубства и татьбы и розбоя с поличным; да и грамоты свои жаловальные о том во все города детям боярским послал».⁵

Таково дошедшее до нас летописное известие о февральских событиях 1549 г. Из него видно, что основным политическим вопросом, волновавшим в это время правительство, вопросом, ради которого и было созвано столь представительное собрание различных чинов, был вопрос об отношениях между правящей верхушкой московского общества в лице боярства и широкими слоями местного населения — уездным дворянством (детьми боярскими) и «христьянством», под которым имелось в виду тяглое население, крестьяне и посадские люди — «городские мужики», как зачастую прямо называют их источники того времени. Они отнюдь не выдвигаются официальным царским историографом (ведь именно в роли его выступал московский летописец) на первый план при описании, казалось бы, столь необычных для современников событий 1549 г., но как бы незримо присутствуют при этой отнюдь, наверное, не столь «умилной» в действительности картине примирения царя с боярами. «Народ безмолствовал» (по крайней мере по летописцу), но, видимо, слишком уж многозначительным было это молчание, если так спешили бояре и царь прийти к политическому согласию с широкими слоями столичных и провинциальных детей боярских. Во всяком случае уже сам факт, что Иван IV был вынужден в правительственной декларации поставить крестьян в один ряд с детьми боярскими

⁵ С. О. Шмидт. Продолжение хронографа редакции 1512 года. Исторический архив, т. VII, М.—Л., 1951, стр. 295—296; ср.: ПСРЛ, т. XXII, ч. I, стр. 528—529. — Правда, в тексте продолжения к хронографу, опубликованном С. О. Шмидтом, «уложение» датировано 29 февраля, но этого не могло быть, так как 1549 г. был невисокосный. Поэтому мы принимаем дату 28 февраля, которая стоит в списке продолжения к хронографу, помещенном в Полном собрании русских летописей.

и признать справедливость их «великих обид» на бояр «в землях и в холопех, и в иных во многих делах», говорит и об остроте классовой борьбы на местах и о том влиянии, какое оказывали требования крестьян и посадских людей на правительство.

Второй вывод, который следует сделать из данного известия, заключается в том, что перед нами отнюдь не обычное заседание Боярской думы и отнюдь не обычное собрание воевод, дворян и детей боярских, а какое-то особое собрание, проходившее как бы двухпалатно и весьма напоминающее по своему составу Земский собор. Что же касается хода этого Собора, то даже из летописного текста (явно сглаживающего возникшее на нем серьезное политическое столкновение между царем и боярами и явно обещающего позицию молодого царя как якобы инициатора всеобщего примирения) видно, что проходил он далеко не гладко. Царь обвинял бояр, грозил опалами, казнями, бояре каялись, обещали «служить верно», как, по их уверениям, они всегда служили его отцу и деду, но упорно настаивали, чтобы впредь все жалобы на них со стороны местного населения обязательно рассматривались по суду. И это был скорее встречный ультиматум, чем капитуляция.

Во всяком случае позиция боярства настолько смутила царя, что он сразу же смягчил тон и «бояр своих» «пожаловал с великим благочестием и усердием», сняв с них все вины. Если же учесть, что вслед за этим, но уже в другой аудитории он столь же «умильно» «то же говорил» дворянам и детям боярским, то позиция царя и его ближайшего окружения будет выглядеть отнюдь не столь последовательной, как пытается ее изобразить летописец.

Иван IV с его обоюдоумильными речами скорее напоминает человека, как бы вертящегося между двух огней и пытающегося всеми силами снять с себя вину за происходящие события, найдя какие-либо общие компромиссные решения, чем политика, уже располагающего поддержкой широких слоев господствующего класса и имеющего возможность проводить самостоятельную, заранее выработанную антибоярскую политическую программу. Принятие Боярской думой 28 февраля уложения (указа) об освобождении детей боярских от наместничьего суда — единственного постановления Собора 1549 г., зафиксированного летописью, — является лучшим тому доказательством.

Это было решение явно компромиссное, обоюдовыгодное и для бояр и для детей боярских, а отнюдь не антибоярское, как его часто истолковывают в литературе.⁶ Во-первых, оно не было особой новостью, а лишь узаконивало в общегосударственном масштабе сложившуюся практику освобождения местных феодалов (и в том числе дворян и детей боярских) от наместничьего

⁶ Такая точка зрения развивается, например, И. И. Смирновым в его монографии «Очерки политической истории Русского государства

суда,⁷ а во-вторых (и это главное), оно укрепляло общесословные права и привилегии класса феодалов в целом, в чем были заинтересованы и бояре, и дети боярские. Нельзя забывать, что наместниками и волостелями были не только княжата и бояре, но и представители высшего дворянства (во всяком случае дворовые дети боярские имели право на кормления и широко им пользовались).⁸ И вполне естественно, что их интересы как местных землевладельцев (вотчинников или помещиков) превалировали над их интересами как кормленщиков, временно управляющих тем или иным городом или волостью. Мы уже не говорим о том, что изъятием дел о детях боярских из юрисдикции наместничьего суда правительство устраняло тот постоянный источник конфликтов между феодалами и местными органами власти, который в обстановке обострения классовой борьбы в стране был в равной степени нежелателен для обеих сторон — и бояр, и дворян.

Но исчерпывались ли практические результаты февральских совещаний 1549 г. только принятием уложения о неподсудности наместникам детей боярских? Не явились ли февральские совещания началом каких-то более широких реформ, и в том числе земской реформы — отмены кормлений и введения на местах земского самоуправления?

Для ответа на этот или, вернее, на эти вопросы необходимо остановиться на двух важнейших источниках, содержащих почти единственные дополнительные сведения об этих событиях, а именно на материалах Стоглава и известии хрущевской Степенной книги о знаменитом «примирении» двадцатилетнего царя с народом.

Наиболее надежными, хотя и весьма сложными для понимания, являются материалы Стоглава. С них мы и начнем.

В известной речи Ивана Грозного на Стоглавом соборе 1551 г. (фигурирующей в тексте Стоглава под названием — «царь вдаст на соборе иныя писания»), вслед за напоминанием о деяниях цер-

30—50-х годов XVI века» (стр. 289—293, 312—313, 344—345). Несколько смягчает ее, но по существу, хотя и с оговорками, присоединяется к ней и Б. А. Романов в своих комментариях к Судебнику 1550 г. (в кн.: Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952, стр. 255—264).

⁷ См. список жалованных грамот светским феодалам XV—XVI вв., изданный С. Б. Веселовским в приложении к его исследованию «К вопросу о происхождении вотчинного режима» (М., 1926, стр. 113—118). Общие соображения С. Б. Веселовского о широком распространении к середине XVI в. указанных судебных привилегий детей боярских и о значении указа 28 февраля 1549 г. как превращающего эти частные привилегии в «общее право» на всей территории страны приводятся в его монографии «Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси» (М.—Л., 1947, стр. 130—131).

⁸ Подробные данные о социальном положении наместников, волостелей и иных кормленщиков в середине XVI в. приводятся в нашей статье «Боярская книга 1556 года. (К вопросу о происхождении четвертичных)» (В кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. М.—Л., 1960, стр. 213—215 и сл.).

ковного Собора 1549 г. «о новых чудотворцах», он прямо говорит: «Преосвященный Макарий митрополит всея Руси, и архиепископы, и епископы, и весь освященный Собор, *в преидущее лето* бил есми вам челом и с боярыя своими о своем согрешении, а бояре, тако же и вы, нас в наших винах благословили и простили, а аз по вашему прощению и благословению и бояр своих в прежних винах во всех пожаловал и простил, да им же заповедал со всеми христианы царствия своего и в предних всяких делех помиритися на срок, и бояре мои и вси приказные люди и кормленщики со всеми землями помирились во всяких делех. Да благословился есми у вас тогда же Судебник исправить по старине и утвердити, чтоб был суд праведен всякие дела непоколебимо во веки. И по вашему благословению Судебник исправил и великия заповеди написал, чтобы то было прямо и бжежно — суд бы был праведен и беспосульно во всяких делех.

Да аз же устроил по всем землям моего государства старосты и целовальники, и соцкие, и пятидесяцкие по всем градом и пригородком, и по волостем, и по погостам, и у детей боярских, и уставные грамоты под сей Судебник подписал пред вами, и уставные грамоты прочтите и разсудите, чтобы было дело наше по бозе в род и род и по вашему благословению неподвижно, аще достойно сие дело на святем соборе утвердив и вечное благословение получив и подписати на Судебники и на уставной грамоте, которой в казне быти».⁹

В литературе уже высказывалось мнение, что под упоминаемом в речи всеобщем примирении «в преидущее лето» имелись в виду февральские события 1549 г.¹⁰ Одним из последних об этом писал Б. А. Романов, который, отмечая по существу тождество описания подобного «примирения» и в летописи и Стоглаве, считает, что нельзя относиться к хронологическому истолкованию известия Стоглава столь педантично, как это делают многие исследователи, и обязательно отсчитывать от января—февраля 1551 г. (времени заседаний Стоглавого собора) год, т. е. утверждать, что так называемый собор «примирения», упоминаемый

⁹ Стоглав. Изд. Д. Е. Кожанчикова, СПб., 1863, стр. 38—39 (курсив наш. — Н. И.).

¹⁰ С. Ф. Платонов. Иван Грозный. Пгр., 1923, стр. 61—62; Е. Максимович. Цековно-земский собор 1549 г. Зап. Русск. научн. инст. в Белграде, вып. 9, 1933, стр. 1—4; С. В. Бахрушин. Иван Грозный. М., 1945, стр. 21. — Характеристика дореволюционной буржуазной историографии о соборе «примирения», датирующей его в основном 1550 г. (по данным Стоглава и Степенной книги, так как продолжение хронографа 1512 г., содержащее известие о событиях 27—28 февраля 1549 г., было введено в научный оборот С. Ф. Платоновым лишь в 1920 г.) или вообще отрицавшей факт его существования (П. Г. Васенко и С. Ф. Платонов в своих дореволюционных работах), дается в исследовании С. О. Шмидта «Соборы середины XVI века» (стр. 67—69; см. также: Л. В. Черепнин. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России. В кн.: Абсолютизм в России. XVII—XVIII вв. М., 1964, стр. 92—96).

царем, мог проходить не ранее конца 1549—начала 1550 г. и, следовательно, аналогичные политические события происходили дважды — в феврале 1549 и в конце 1549—1550 гг.

По мнению Б. А. Романова, необходимость такого толкования отпадет, если признать, что речи царя, как и его вопросы на Стоглавом соборе, готовились заранее, всего вероятнее в июле—августе 1550 г. — после завершения работы над Судебником и принятия его в июне Боярской думой. При такой датировке, указывает Б. А. Романов, «„преддущее лето“ будет означать 7057 г., т. е. и февраль 1549 г., а раздвоившееся в наших источниках (в летописи и в речи царя в Стоглаве) прощенно-покаянно-примирительное неповторимое выступление царя Ивана можно будет отнести к 27—28 февраля 1549 г.».¹¹

Собор «примирения» был один и состоялся он в феврале 1549 г., считает также М. Н. Тихомиров, хотя он не касается хронологических наблюдений Б. А. Романова и исходит из иных доказательств. М. Н. Тихомиров обращает внимание на явное тождество показаний об этих событиях, продолжения хронографа 1512 г., Стоглава и Степенной книги, хотя в последней, как он признает, они и подверглись весьма сильной интерполяции, связанной, видимо, с восхвалением роли Алексея Адашева как инициатора всеобщего примирения.¹²

Подобной датировки в отношении интересующего нас собора или собрания «в преддущее лето» по существу придерживается и И. И. Смирнов, считая, что работа над новым Судебником началась сразу же после февральских совещаний 1549 г. и именно с принятия закона 28 февраля о неподсудности детей боярских (Судебник, ст. 64), и как раз о решении исправить Судебник, принятом «в преддущее лето», напоминает царь Иван в своей речи на Стоглавом соборе.¹³ Правда, говоря о точке зрения И. И. Смирнова, надо иметь в виду, что, по его мнению, земского примирения как такового вообще не было, а февральское собрание 1549 г. (И. И. Смирнов называет его именно собранием, а не собором) носило не примирительно-компромиссный, а сугубо придворянский, антибоярский характер.¹⁴

¹¹ Б. А. Романов. Комментарий к Судебнику 1550 г. В кн.: Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952, стр. 188—191.

¹² М. Н. Тихомиров. Сословно-представительные учреждения (Земские соборы) в России XVI века. Вопросы истории, 1958, № 5, стр. 4—9. По его мнению, в 1550 г. был другой Земский собор — М. Н. Тихомиров называет «собором» царское совещание во время похода на Казань во Владимире (в январе) о местничестве. Но это было военное, а не земское собрание.

¹³ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 310—312; ср. стр. 296—300.

¹⁴ «Событием, о котором вспоминает Иван IV в своей речи на Стоглавом соборе, — пишет И. И. Смирнов, — был не легендарный „собор 1550 года“, а речь Ивана IV 27 февраля 1549 г. и связанные с ней меры. Но отсюда следует, что и истолкование формулы о „примирении“ должно строиться на основе тех материалов, которые характеризуют мероприятия

Другой точки зрения придерживается В. Ф. Ржига, С. Б. Веселовский, С. В. Юшков, датирующие «собор примирения» 1550 г.¹⁵ Что касается С. О. Шмидта и А. А. Зимина — последних исследователей, специально и, казалось бы, наиболее подробно изучавших этот вопрос, то они полагают, что «собор примирения» был не один и интересующие нас источники (летопись и Стоглав) говорят о разных соборах.

«Следует отказаться от привычной мысли будто бы Стоглавому собору предшествовал только один „собор примирения“, — пишет С. О. Шмидт, — таких собраний было три — в 1547, в 1549 и в 1550 гг., и различные источники упоминают о различных собраниях».¹⁶

Первое собрание такого рода состоялось, по мнению С. О. Шмидта, после пожара и восстания в июне 1547 г. и «сво-дилось оно в основном лишь к „покаянию“ москвичей, напуган-ных „великим пожаром“».¹⁷ Но сведений о Соборе 1547 г. в источ-никах не сохранилось. В продолжении к хронографу 1512 г., как считает С. О. Шмидт, сообщается уже о втором «соборе примирения», состоявшемся в феврале 1549 г., в речи же царя Ивана на Стоглавом соборе 1551 г. говорится о третьем «соборе примирения», проходившем «преидущее лето» по отношению к году созыва Стоглавого собора, т. е. в 7058 г. Такой собор, как полагает С. О. Шмидт, был созван в июне—июле 1550 г. и на нем-то и был утвержден новый царский Судебник, а также рассмотрены

правительства Ивана IV в феврале 1549 г.». И делает вывод: «В действительности формула „примирения“ представляла собой лишь идеологическую оболочку, прикрывающую реальную классовую сущность политики правительства Ивана IV как политики активной защиты интересов дворян-помещиков, политики столь же решительной борьбы против „великих родов“ феодальной знати» (И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 298—299).

¹⁵ В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, стр. 78—79; С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси, стр. 92; Ю. В. Юшков. К вопросу о сословно-представительной монархии в России. Советское государство и право, 1950, № 10, стр. 43.

¹⁶ С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века, стр. 73. — К этой точке зрения по существу присоединяется и Л. В. Черепнин, отмечая, что С. О. Шмидту принадлежит «весьма удачная попытка» разобратся в «сложном и запутанном» вопросе о соборах середины XVI в. (Л. В. Черепнин. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России. Абсолютизм в России. XVII—XVIII вв. М., 1964, стр. 94—96).

¹⁷ С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века, стр. 73. — Вообще предположение С. О. Шмидта о существовании «собора примирения» или иного подобного собрания в 1547 г. представляется нам крайне гипотетичным. Оно опирается по существу лишь на морально-этические сентенции летописей и самого царя Ивана (в речи на Стоглаве) о всеобщем «великом» страхе и покаянии, наступившем после пожара 1547 г. — сентенции, говорящей лишь об смятении и панике, царившей в это время в московских правящих кругах и особенно среди ближайшего окружения молодого царя Ивана. Найти же какие-либо, хотя бы косвенные, сведения или указания о созыве в 1547 г. в Москве представительного собрания типа Земского собора С. О. Шмидту не удалось (там же, стр. 72—73).

так называемые дополнительные «царские вопросы», по мнению автора, ошибочно отнесенным И. Н. Ждановым, а вслед за ним и почти всеми другими исследователями к материалам Стоглавого собора.¹⁸

А. А. Зимин ничего не говорит о трех «соборах примирения», но и он считает, что февральское собрание или Собор 1549 г., о котором говорится в продолжении к хронографу 1512 г., и Собор в «преидущее лето», о котором вспоминает Иван IV в своей речи на Стоглаве, разные соборы. «С построением Б. А. Романова, — пишет А. А. Зимин, — согласиться очень трудно уже потому, что речь Ивана Грозного все-таки была произнесена на Стоглаве, а не полугодом раньше, и „преидущее лето“ неумолимо ведет нас к 1550 г. и, возможно, даже к февралю месяцу, когда были составлены так называемые „царские вопросы“».¹⁹

Но высказав предположение, что собор в «преидущее лето» «ведет нас» к 1550 г. и, вероятно, к февралю, А. А. Зимин в то же время (в противовес только что сказанному) присоединяется к точке зрения С. О. Шмидта о том, что интересующий нас собор состоялся в июне—июле 1550 г. «С. О. Шмидт, — пишет по этому поводу А. А. Зимин, — предположил, что в июне—июле 1550 г. состоялось заседание нового Земского собора. На этом соборе, вероятно, в присутствии многочисленных служилых людей, вернувшихся из казанского похода, были приняты решения об отмене местничества, составлен Судебник, решено было испоместить тысячников, а также учреждено стрелецкое войско. Если не считать трудного для понимания текста Стоглава, остальные соображения С. О. Шмидта вполне убедительны».²⁰ Из данных положений (признание возможности созыва в 1550 г. двух соборов, да еще с разрывом между ними всего в три месяца!) трудно понять, куда же все-таки А. А. Зимин относит Собор в «преидущее лето» — к февралю (как понял его точку зрения сам С. О. Шмидт)²¹ или к июню—июлю 1550 г.?

Из всех перечисленных мнений нам представляется наиболее убедительной точка зрения тех авторов, которые относят слова речи царя Ивана на Стоглаве о примирении в «преидущее лето» к февральским событиям 1549 г., когда и состоялся, по нашему мнению, первый и единственный «собор примирения», и именно собор «примирения» — не только в переносном, но и прямом смысле этого слова.

¹⁸ С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века, стр. 77—78. — О дополнительных «царских вопросах» см. ниже — стр. 16—24.

¹⁹ Речь идет о тех же дополнительных «царских вопросах», которые А. А. Зимин также считает ошибочно включенными в материалы Стоглава, но в отличие от С. О. Шмидта датирует их не июнем—июлем 1550 г., а февралем этого года (А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 349—350; ср. стр. 337—341).

²⁰ А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 349—350.

²¹ С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века, стр. 79—80.

Нам кажется, что помимо вышеприведенных аргументов (мы имеем в виду текстологические и хронологические наблюдения Б. А. Романова), в пользу подобной трактовки вопроса о соборе «примирения» говорят следующие соображения.

Главное из них — это наличие так называемых дополнительных «царских вопросов», адресованных Иваном будто бы Стоглавому собору 1551 г., но относимых С. О. Шмидтом и А. А. Зиминим (считающих, что приобщение их к материалам Стоглава просто источниковедческая ошибка) к 1550 г. — А. А. Зиминим к февралю, а С. О. Шмидтом — к июню—июлю, и поэтому якобы говорящих, во всяком случае с их точки зрения, о проведении «собора примирения» именно в эти сроки. С нашей же точки зрения (как это ни парадоксально) все наоборот — как раз наличие этих вопросов (и в первую очередь признание, что они были составлены значительно раньше Стоглавого собора и, видимо, для иных целей) и говорит о том, что под собором «примирения» имелся в виду именно февральский Собор 1549 г. Но разберемся в этом подробнее.

Дополнительные «царские вопросы», как известно, были обнаружены И. Н. Ждановым в сборнике игумена Волоколамского монастыря Ефимия Туркова — ближайшего ученика и сподвижника такого, казалось бы, активного участника Стоглавого собора, как новгородский архиепископ Феодосий, который, после того как был оставлен в мае 1551 г. с новгородской кафедры и попал в немилость, доживал свои дни именно в Волоколамском монастыре (умер в 1563 г.).²²

В сборнике Ефимия Туркова, наряду с различными документами духовного происхождения (грамотами и посланиями Феодосия, митрополитов Ионы и Макария, а также Иосифа Волоцкого, Нила Сорского и др.) включены, как писал И. Н. Жданов, и «материалы, относящиеся к Стоглавому собору», а именно: «1) Речь царя Ивана Васильевича к отцам собора, ту самую речь, которая помещена в IV-й главе Стоглава, 2) так называемые первые царские вопросы, которые в Стоглаве занимают V-ю главу, и 3) продолжение этих вопросов (так, во всяком случае, полагает И. Н. Жданов, именуя их «дополнительными царскими вопросами», а отсюда и сам Стоглавый собор 1551 г. «столько же церковным, сколько и *земским* собором», поскольку эти вопросы носят в отличие от первых сугубо гражданский характер, — Н. Н.), не внесенное в Стоглав».²³ Эти дополнительные царские вопросы

²² Весьма интересные материалы о политических взглядах архиепископа Феодосия — яркого иосифлянина и одного из противников попа Сильвестра — приводятся в исследовании А. А. Зимина «И. С. Пересветов и его современники» (М., 1958, стр. 46, 47, 53, 54, 72—75, 80—85, 92, 96, 100, 101, 104).

²³ И. Н. Жданов. Материалы для истории Стоглавого собора. Соч., ч. I, СПб., 1904, стр. 175.

помещены в рукописи непосредственно после вопроса, обозначенного в Стоглаве как 37-й, и начинаются со слов: *«Говорити перед государем, и перед митрополитом, и перед владыки, и перед всеми бояры, дияку, как было [при] великом князе Иване Васильевиче, при деде, и при отце моем, при великом князе Василье Ивановиче, всякие законы, тако бы и ныне устроити по святым правилом и по праотеческим законам, и на чем святители, и царь и все приговорим и уложим, кое бы было о бозе твердо и неподвижно в веки»*.²⁴

Вопросов было двенадцать.

1) *О местничестве*, со ссылкой на приговор об ограничении местнических споров, принятый Боярской думой («положил есми совет своим бояры») перед казанским походом (царь выехал из Москвы 24 ноября 1549 г.) и подтвержденный потом во Владимире (царь был здесь с 3 декабря по 7 января) и в Нижнем Новгороде (с 18 по 23 января), но который во время похода и после весьма нарушается («всякой розместничается на всякой посылке и на всяком деле») и от этого «в тех местех всякому делу помешка бывает», и «как вперед тому делу быть без вражды и без кручины, и полюбовно, чтобы воиньскому делу в том некоторые споны не было, а мне бы о том кручины не было» (какая удивительная забота о всеобщем благе!).

2) *Об упорядочивании распределения вотчин, поместий, кормлений и «всяких приказов»*, начиная от дьяков и кончая городничими (т. е. городскими приказчиками), поскольку «ныне», после Василия III и Елены Глинской «до возраста царьского», с материальным обеспечением служилых людей полный развал: одни устроили отцовские поместья, «а ино и голоден», учет же — фикция («в меру дано натолюк по книгам, а сметить, ино вдвое, а иньде и больше»). Не следует ли и тут поправить дело, «приговоря», «поверстати по достоинству безгрешно» — «у кого лишек» отобрать, а «недостаточного пожаловати»? (И тут, как мы видим, всем сестрам по серьгам. Всех надо приустроить!).

3) *О «внове починеных» монастырских, княжеских и боярских слободах*, из-за которых, «где бивали старые, извечные слободы, государская подать и земская тягль изгибла» — «вперед как тому быти»? Царем предлагалось «ныне учинити» такой же указ, «каков был указ слободам» в «дедовых и батьковых» «уставных книгах», иначе говоря, при Иване III и Василии III, когда, как известно, действительно был принят ряд распоряжений (к сожалению, до нас не дошедших, и о содержании их можно судить лишь по косвенным данным в актовом материале и писцовых книгах), направленных на ограничение роста и привилегий городских владельческих слобод. Этого особенно добивались черные

²⁴ Там же, стр. 176 (в этой и последующих цитатах из дополнительных «царских вопросов» курсив наш, — Н. Н.).

посадские люди, и, пожалуй, это был чуть ли не центральный вопрос всей «городовой политики» почти всего XVI в. Бесспорна и его антицерковная направленность, поскольку именно монастыри являлись в этот период основными владельцами «белых» посадских слобод и дворов.

4) *О закрытии по городам, пригородам и водостям корчем* («занеже от корчем хрестьяном великая беда чинитца и душам погибель»), а «ныне», чтобы доходы наместников и кормленщиков не страдали, ведь корчмы им «даны изстари» (и обижать их упаси боже!), ввести в их пользу новый налог — «с тех земель бражное уложити».

5) *О ликвидации дорожных мытов*, которые вроде как в наказание («ради вины») «установлены со всякого человека, и с торгов и не с торгов». Сохранить мыт лишь на государственной границе — в «порубежных местах от чужих земель». Но зато вместо мыта «с товару пошлину прибавить у тамги». Мера, явно направленная на облегчение условий для развития торговли, в чем также в первую очередь были заинтересованы посадки и черные крестьяне.

6) *Об ограничении перевозных и мостовых пошлин*, которые следовало «только... по указу имать», как и «явки» с проезжих по городам. Тамгу же брать только с тех, кто «где торгует», и только это «достойно». Как мы видим, и тут предусматривались явные облегчения для торговых людей, всех больше страдавших от подобного рода княжеских пошлинников, да и не только княжеских. (Как видно из приводимого ниже восьмого царского вопроса, владение «перевозами» и «мостами» было одной из распространенных видов вотчинной собственности светских и духовных феодалов, но, конечно, не мелких).

7) *Об укреплении пограничных «застав» по литовским, немецким и татарским рубежам*, в целях бережения («добре надобети беречи») явки и мыта и осмотра «беглых людей и заповедных товаров». И тут вряд ли проиграли бы русские купцы, поскольку данное постановление охраняло бы не только государственные интересы, но и их торговую монополию от иностранной конкуренции (уж очень явно выдает это упоминание о «заповедных товарах» — не русские торговые люди их обычно провозили через границу, не в их огород и камешек).

8) *Об «устроении» «вотчинных книг»* для учета всех вотчинных земель и владений (включая «ряды», «перевозы», «мосты» и «дворы», где бы они не находились) — «хто купит или продаст, или по душе отдаст, или променит, или племяннику отдаст, и то записати в книгах в меру». Тогда «никто» никого «не обидит», да никому «прибавить не уметь же». Это, конечно, для всеобщего блага (уж как о нем печется теперь царь — только бы кого не обидеть!), а для государства (и это уже более ощутимо и практично) будет «ведомо», «за кем сколько прибудет и убудет, и по вотчине

и службы знать». Опять, как мы видим, миротворчество, но со скрытым уколом против духовных стяжателей, ведь не случайно, что понятие «вотчины» социально раскрыто лишь в отношении одной категории — «и церковная земля», хотя имелись в виду, конечно, все категории вотчинных земель и оговаривать, казалось бы, было нечего (но не так, видимо, думали составители царских вопросов — они-то знали, куда и в чьи руки переходят светские вотчины). Обращает на себя внимание и упоминание о «рядах» (т. е. торговых рядах) и дворах, под которыми, конечно, имелись в виду посадские дворы (отдельные деревенские дворы, как правило, не покупались и не менялись, да и по душе не отдавались), а отсюда следует прямая связь предлагаемых мер с требованием (вопрос третий) ограничения роста новых владельческих слобод. Иначе говоря, оба этих вопроса имеют не только ограничительный в отношении земельных церковных приобретений характер (да их так прямо и поняло посифлянское окружение митрополита Макария, сделав их чуть ли не главным вопросом работы Стоглавого собора), но и в известной мере пропосадский характер — защиту посадов и великокняжеских слобод от покушения на их дворы и земли феодалов, и в первую очередь опять той же церкви (основного конкурента черных людей в их торговой и промысловой деятельности).

9) *О раздаче поместий* только и строго «в меру», «что в книгах стоит и в жаловальной грамоте слово в слово». Но главное (и в этом основной смысл правительственной рекомендации) служилый человек должен и обязан хозяйствовать в своем поместье. Ведь что он «на своей земле не примыслит» — «прибудет у него пашни, ино будет перелогу и лишие земле, а все будет вместе» (т. е. в рамках отведенного ему поместья) — и «то все божье да ево». А если же по своей вине «запустошит» («от себя ему пришло»), то тогда его ожидала «царская опала» и никаких «тяжб» «ни с кем вперед». Иначе говоря, подобный помещик не мог рассчитывать ни на какие поблажки и судебные разбирательства — если ты разорил поместье, то жди только царской кары. Как мы видим, правительственное мнение сформулировано настолько императивно, что вряд ли можно сомневаться в том, насколько массовый характер носило подобное «запустошивание» помещиками розданных им земель и крестьян (ведь земли же не без них раздавались). Вряд ли это можно охарактеризовать как «крестьянолюбие» (ведь о крестьянах тут даже не упоминается), но в то же время нельзя не видеть здесь явного стремления правительства остановить сопутствующее развитию поместной системы прогрессирующее разорение земель, а следовательно, и населяющего их владельческого крестьянства. Таким образом, и эта мера, как мы видим, была шире, чем просто охрана крепостнических интересов поместного дворянства (и отнюдь не опричная политика наследница этого правительственного «благоразумия»!).

10) *«О вдовых боярынях»*. Как быть с земельным обеспечением вдов и детей умерших или погибших служилых людей? Вопрос был острый и каверзный. Поместная система явно сталкивалась здесь с жизнью, грозя разрушиться или исконный феодальный принцип службы с земли (и земли по службе), или саму феодальную семью — пустить вдову и детей умершего служилого человека по миру. Приходилось выбирать. Шаг в сторону превращения поместья в наследственную собственность служилого человека еще сделан не был, но закрепить часть поместья за вдовами «на прожиток» пришлось. Правда, усиленно рекомендовалось «молодым боярыням» во избежание греха (а вдруг «на грех дерзнет»), а главное ради государственных интересов выходить снова замуж (и какая выгода — поместья старого мужа тогда полностью перейдут к новому, а семье и государству благо!). Но вот если будет «пустотная боярыня старая» (и без детей, и без племянников, которые могли бы с ее земли служить и ее «кормить», а замуж уже поздно), то тогда возможно, конечно, ее «устроить в монастырь», но только без поместья — «поместье на государя» (и никаких вкладов по душе!). Да, видимо, уж очень волновал правительство вопрос о потенциальной возможности перекачивания и этим путем поместных земель в лоно церкви, коли и тут оно не обошлось без особой оговорки.

11) *О надзоре и бережении нагайских «гостей» и послов* — чтобы с обеих сторон (и со стороны татар, а равно и «наших» людей) не было «никогого лиха». Надо помнить, что «всякое лихо от наших задор чинится: наши над ними поуродуют, и они вдесятеро беду доспеют». Опять, как мы видим, дела торговые — охрана важной и выгодной для России торговли с Ногайской ордой. Но это вообще, в перспективе, а применительно к 1550—1551 гг. постановка вопроса имела, видимо, более конкретную политическую цель — избежать нового обострения отношений с Ордой, что в условиях назревания новой казанской войны, да еще при союзе Казани с Крымом, было особенно опасно для московского правительства. Политическая злободневность вопроса явно из него выпирает. Да и нельзя не поставить его в связь с русско-ногайскими переговорами 1550 г. о совместной борьбе против Турции и Крыма.

12) *О всеобщей переписи земель*. Царь сообщает, что он «приговорил есми писцов послати во всю свою землю писать и сметити». Описанию подлежали все без исключения земли: великого князя (т. е. дворцовые), митрополичьи, владык, монастырские, церковные, княжеские, боярские, вотчинные, поместные, черные, оброчные, а также «земецкие земли всякие», иначе говоря, земли своеземцев. Подлежали описанию и «всякие угодья», включая реки, озера, пруды, оброчные ловли, колы, сежи, борти, перевесы, мыты, мосты, перевозки, рядки, торговнища, дворы, огороды и т. д. Таким образом, речь шла по су-

ществу о первой общегосударственной единой переписи всех земель, равной которой по масштабам Русское государство еще не знало. Цель переписи — выяснить, «что кому дано (по «жаловальным грамотам», — *Н. Н.*), тот тем и владей», «чтобы вперед тяжа не была о водах и о землях». Все же выявленные при описании земельные излишки («а утяжют кого черес писмо лишьюком») должны быть конфискованы на царя.

Это — суть описания всех земель и угодий в целях проверки владельческих прав на них и выяснения: «того ради кто чего попросит», «чем кого пожаловати», «кто чем нужен», «кто с чего служит» и что «будет... и жилое, и пустое». Цели, как мы видим, вполне ясные, но и тут изложены не без миротворческой сентенции — стремления удовлетворить и пожаловать просящих и выяснить, кто в чем нуждается и обеспечен ли он землей для службы. Видимо, даже в этом, казалось бы, столь общенормативном вопросе (описании всех земель без исключения) правительство не могло не обойтись без «умильных» разъяснений, что все это нужно лишь для общего блага всего населения, а отнюдь не для каких особых целей, преследуемых царем. Но если уже так боялись, чтобы лица, к которым были адресованы вопросы, не заподозрили правительство в каких-то иных намерениях, то, всего вероятнее, какие-то причины для этого были. Слишком уж были грандиозны задуманные планы, а последствия — возможность передела и конфискации на великого князя земель, якобы неправильно приобретенных (а поди докажи, где правда!), отнюдь, не так уже ясны для широких кругов землевладельцев.

Во всяком случае даже при явно проступающих в вопросах антицерковных тенденциях (речь идет, конечно, только о церковных землях) подобное «генеральное межевание» могло бы быть нежелательно отнюдь не только для одних «отцов духовных». Хотя всего вероятнее, что и тут имелось в виду в первую очередь ущемить их интересы.

Таково содержание так называемых дополнительных «царских вопросов». Вряд ли следует специально доказывать, что в своей совокупности они представляли очень широкую программу реформ, направленную на укрепление социально-политических основ Русского централизованного государства. И главным в этой программе были земельная проблема, а именно — изыскание резервов и упорядочивание дела обеспечения служилых людей землей (и в равной степени как вотчинами, так и поместьями, поскольку и с тех и с других вводилась обязательная служба), а также коренная реорганизация системы косвенного обложения (ликвидация перевозных и мытных пошлин и упорядочивание сбора тамги) в плане создания более благоприятных условий для развития внутренней и внешней торговли как одного из важнейших условий подъема экономики страны. А если к этому прибав-

бить стремление правительства приостановить наступление вотчинного привилегированного землевладения на посадки (вопрос о новых слободах), то последняя тенденция выступает перед нами еще более отчетливо. Именно эти два комплекса вопросов, очерчивающих как бы два основных аспекта правительственной политики — один, направленный в защиту интересов широких слоев служилых людей, а другой, идущий навстречу требованиям торговых и посадских людей, а может быть, и черных волостей (кстати, симптоматично, что никаких открыто антикрестьянских крепостнических мотивов в вопросах не видно, а сказать, например, о крестьянских переходах как причине запустения, казалось бы, и повод был), и должны были, по мнению составителей этого широкого проекта, обеспечить ликвидацию последствий той общей «поруки», которая господствовала в стране со времени Василия III.

Не говорится в проекте лишь о судебной реформе. Но это и понятно, ведь аудитория, перед которой дьяк должен был огласить царскую речь, прекрасно знала, что подготовлен (или по крайней мере уже готовится) новый царский Судебник, который и будет целиком посвящен делам управления и суда. И уже во всяком случае текст дополнительных «царских вопросов» составлен так, что не исключает, а, наоборот, предусматривает принятие (наряду с перечисляемыми в них реформами) нового законодательства по «всяким» делам — определения, вполне покрывающего и Судебник. Трудно иначе истолковать, как отмечал еще С. О. Шмидт, слова царской приамбулы к вопросам о необходимости введения нового уложения *«всяких законов»*, которые надо *«ныне устроить по святым правилам и праотеческим законам»* и которые мы *«все»* (царь, митрополит, владыки и *«все»* бояры), — *Н. Н.*) *«приговорим и уложим»*, чтобы *«было о бозе твердо и неподвижно в веки»*²⁵ (ведь именно в подобных же словах представлял царь Иван Судебник 1550 г. к утверждению на Стоглавом соборе).²⁶

И еще одна черта, которая не только связывает обе эти царские речи между собой, но и подчеркивает прямую преемственность дополнительных вопросов от решений февральского Собора 1549 г. Мы имеем в виду ярко выраженный примирительный характер этих вопросов. И что особенно показательно — это отсутствие в них, даже по сравнению с «умильной» царской речью на Соборе 1549 г., антибоярских тенденций. Наоборот, сам факт, что этот двенадцатиглавый проект начинается с вопроса о мест-

²⁵ И. Н. Жданов. Материалы..., стр. 175 (курсив наш, — Н. Н.); ср.: С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века, стр. 77.

²⁶ «Да благословился есмь у вас тогда же Судебник исправить по старине и утвердить, — говорил царь на Стоглаве, вспоминая собор «примирения» «в преидущее лето», — чтоб был суд праведен всякие дела непоколебимо во веки» (Стоглав, стр. 39; курсив наш, — Н. Н.).

ничестве и говорит о вреде и «порухе» от него для военного дела особо подчеркнуто и нарочито и в то же время не позволяет себе никаких прямых выпадов против бояр (как это делает позднее Иван Грозный в своих «эпистолиях» Андрею Курбскому), а изображает все дело лишь как очень огорчающее царя нарушение общей полюбовной договоренности («и всем бояром тот был приговор люб»), является лучшим доказательством того, что правительство отнюдь не собиралось придавать приговору о местничестве антибоярский характер. Ведь не случайно же царь подчеркивал, что старый приговор о местничестве надо соблюдать (если он правилен) или изменить (если он ошибочен), но *решить это должны сами бояре* (и ничего им он навязывать не собирается) — *«о сем посоветуйте все вкупе и уложите, как вперед тому делу быть без вражды и без кручины и полюбовно»*. Конечно, тут много демагогии, но демагогии, прикрывающей не давление царя на бояр, а, наоборот, его желание любой ценой покончить дело миром, а главное сразу же заручиться поддержкой боярства (привлечь его на свою сторону) при решении других вопросов, за судьбу которых правительство имело основания значительно более опасаться. Именно поэтому вопрос о местничестве и стоит первым в проекте, хотя этим отнюдь не определяется его действительное место в составе реформ, предлагаемых царем на совместное обсуждение бояр и духовенства. Земельные и тяглые дела были, конечно, политически и социально важнее для выработки нового правительственного курса, да и затрагивали они интересы значительно более широких кругов феодалов.

Лояльность царя в отношении бояр сказывается и в устранении в его вопросах противопоставления их дворянам и посадским людям. Предлагаемые же царем ограничительные меры в отношении вотчинного земледелия, особенно его льготно-тяглого положения, направлены своим острием главным образом против церковного землевладения. Но именно этого и добивалось большинство боярства, стремившегося решить земельный вопрос путем секуляризации церковных земель, размер которых настолько быстро увеличивался, что к середине XVI в. составлял уже почти одну треть всего владельческого земельного фонда. Это был старый и больной вопрос, вопрос, от того или иного решения которого в значительной степени зависело, сохранит ли само боярство свои земли или будет вынуждено поступиться ими в пользу поднимающегося поместного дворянства. И не случайно (скажем, забегая вперед) именно эта антицерковная тенденция и сейчас явилась одним из главных камней преткновения на пути реализации новой царской программы.

Таким образом, у нас есть все основания рассматривать изложенный выше проект реформ как конкретное, практическое развитие именно тех политических и социальных принципов, которые были заложены на Соборе 1549 г. и исходной базой которых

был политический компромисс между боярством и самодержавием.

Теперь мы вплотную подходим к наиболее сложной задаче данной темы — выяснению, когда и для каких целей была разработана эта программа реформ. По существу это и будет ответом на поставленный выше вопрос — о каком же соборе примирения в «преи�ущее лето» говорил царь в своей знаменитой речи на Стоглавом соборе 1551 г.?

Мы солидарны с С. О. Шмидтом и А. А. Зиминим в том, что дополнительные «царские вопросы» были составлены не для Стоглавого собора, а предназначались для иного собрания, которое должно было ему предшествовать. Представляются нам в основном убедительными и их аргументы в пользу этой точки зрения.

Таких *главных аргументов* у С. О. Шмидта и А. А. Зимина два. Первый — указание на то, что в дополнительных «царских вопросах» говорится о монастырских слободах (третий вопрос), в то время как (согласно гл. 98 Стоглава) этот вопрос был уже решен в сентябре 1550 г. во время совещания царя с митрополитом. Следовательно, дополнительные вопросы были составлены до сентября 1550 г. Второй — указание на то, что в дополнительных вопросах речь идет лишь о приговоре о местничестве 1549 г., принятом в ноябре этого года в канун казанского похода, но не упоминается о подобном же приговоре от июля 1550 г. А отсюда, значит, надо датировать составление вопросов временем до принятия нового приговора о местничестве. По С. О. Шмидту это июнь—начало июля 1550 г., по А. А. Зимину — февраль 1549 г.²⁷ Дело в том, что А. А. Зимин считает, что вопрос об охране ногайских послов и купцов, в том виде как он фигурирует в проекте, не мог быть составлен позже 12 апреля 1550 г. (время отъезда из Москвы ногайского посольства, жившего в пей почти год и домогавшегося от московского правительства поддержки в борьбе с Крымом), а главное, что слова царя в вопросе о местничестве — «и *отселе* куды кого с кем посылаю без мест ... вся-

²⁷ С. О. Шмидт. 1) Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. Уч. зап. МГУ, вып. 167, стр. 28; 2) Соборы середины XVI века, стр. 77—80; А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 336—338; ср. стр. 342—345, 376—377. — Впервые на противоречие, с его точки зрения, гл. 98 Стоглава и «царского вопроса» о слободах указал еще в 1904 г. Н. Кононов (см. его статью: Как смотреть на отрывок Стоглава, на который обратил внимание И. И. Жданов и который говорит не только о церковных предметах, но и о земских делах. Богословский сборник, 1904, апрель, стр. 697—699). Он и высказал тогда предположение, что дополнительные вопросы «относятся не к Стоглаву, а к другому, ему предшествующему собранию». Весьма вероятным предположением считал точку зрения Н. Кононова и такой крупный исследователь Стоглава, как Д. Стефанович, который также полагал, что «вопросы» могли быть рассмотрены до открытия Стоглавого собора — между мартом и сентябрем 1550 г., иначе говоря, после

кому делу помещька бывает» — следует, по его мнению, истолковывать как прямое свидетельство («по тексту получается»), «что во время написания проекта царь находился под Казанью».²⁸

Сперва несколько слов о последних соображениях А. А. Зимина. Они наиболее спорны в общей концепции А. А. Зимина и уже, как известно, вызвали серьезные возражения со стороны И. И. Смирнова и С. О. Шмидта. И. И. Смирнов обратил внимание на текстологическую неправильность подобного временного истолкования царского вопроса о местничестве,²⁹ а С. О. Шмидт показал, что обстановка, сложившаяся в русских полках под Казанью в январе—феврале 1549 г. (бедственное положение войск, вызванное как тяжелыми природными условиями — «мразная зима», а потом «дожди великие и мокрота немерная», так и военными неудачами), мало подходила для работы над проектами преобразований.³⁰ Не было под Казанью и митрополита Макария с его духовным сапкритом (собором),

возвращения царя Ивана из Казанского похода (он вернулся в марте), но до сентябрьского приговора царя с митрополитом о слободах (Д. Стефанович. О Стоглаве. Его происхождение, редакция и состав. СПб., 1909, стр. 55).

²⁸ А. А. Зимин. 1) Реформы Ивана Грозного, стр. 336; ср.: 2) К истории военных реформ 50-х годов XVI в. Исторические записки, т. 55, стр. 346.

²⁹ «Не может быть принят, — пишет И. И. Смирнов, — вывод А. А. Зимина, будто бы „по тексту получается, что во время написания проекта царь находился под Казанью“. Зимин принял за указание на факт составления „царских вопросов“ во время нахождения Ивана IV под Казанью содержащиеся в тексте „вопросов“ слова царя: „И отселе куды кого с кем посылаю...“ и т. д., поняв слово „отселе“ (отсюда) в смысле: из-под Казани. Однако контекст, в котором находится данное место, исключает возможность такого его толкования, ибо о „посылках“ из-под Казани во время нахождения там Ивана IV в цитированном месте „царских вопросов“ говорилось как раз перед словами „и отселе“, причем говорится как о вещи, имевшей место в прошлом. Соответственно этому и грамматически фраза о нахождении Ивана IV под Казанью построена в прошедшем времени („И как приехали к Казани, и с кем кого ни пошлют“ и т. д.). Фраза же — „и отселе куды кого с кем посылаю без мест по тому приговору“ — построена в настоящем времени и, таким образом, противопоставляет это настоящее время прошлому времени, к которому относится и время нахождения Ивана IV под Казанью (февраль 1550 г.). Таким образом, из текста „царских вопросов“ никак не следует, что они были составлены во время Казанского похода 1549—1550 гг., и, напротив, видно, что они были составлены после этого похода. Впрочем, весь характер „царских вопросов“ свидетельствует о том, что они — не экстренный запрос царя, направленный из-под Казани в Москву, а тщательно разработанный документ, рассчитанный на оглашение этих вопросов „перед государем, и перед митрополитом, и перед владыки, и перед всеми бояры“» (И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 487). С. О. Шмидт солидарен с подобным текстологическим истолкованием данного текста, но делает оговорку, что все же правильнее переводить слово «отселе» не как «отсюда» (по И. И. Смирнову), а как «с этих пор» (С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века, стр. 79).

³⁰ С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века, стр. 79.

а именно им наряду с боярами адресуются царские вопросы.³¹ Следовательно, предположение А. А. Зимина имеет силу лишь в том случае, если допустить, что вопросы составлялись и обсуждались под Казанью без митрополита и духовенства (и, значит, это был не Земский собор) или они просто были заготовлены впрок и обсуждались после возвращения царя в Москву (но тогда в какое время и на каком земском собрании?). Все это требует и разъяснений и иных доказательств.

Что касается указания А. А. Зимина на то, что вопрос об охране ногайских купцов и послов должен был быть составлен обязательно до отъезда ногайского посольства из Москвы 12 апреля 1550 г. (иначе якобы он теряет свое значение), то это тоже не обязательно. Переговоры с Ногайской ордой весной 1550 г. кончились безрезультатно — союза против Крыма и Турции не было заключено. Москва еще пыталась избежать открытого столкновения с Крымом из-за Казани. Значительно более подходящим временем для выдвижения вопроса о необходимости нормализации отношений с нагайцами было лето 1550 г., когда стало ясно, что уже не удастся избежать военного столкновения с Крымом (а 18 июля крымский хан действительно подошел к Оке) и когда уже само московское правительство (а не ногайцы, как было весной) делают шаги в сторону примирения с Ордой.

Другое дело, что совершенно исключена возможность постановки подобного вопроса, явно дружественного в отношении Ногайской орды, зимой 1550/51 г. во время работы Стоглавого собора (на это, правда, С. О. Шмидт и А. А. Зимин не обратили внимания). Исключена потому, что 26 декабря 1550 г. (как раз за 5 дней до получения новгородским митрополитом Феодосием вызова в Москву на Собор)³² ногайские мурзы, как сообщает летопись, «пришли войною... со многими людьми на Мещерские места и на Старую Резань», но были наголову разбиты посланными им навстречу московскими полками.³³ Мир же с ногайцами был заключен, по их просьбе (в Москву «писали о миру»), только весной 1551 г., уже после завершения в конце февраля работы Собора. Во всяком случае, сообщения о предложениях ногайцев о мире занесено в летопись лишь после записи от 17 марта 1551 г. о рождении у царя дочери Марии. Совершенно ясно поэтому, что ставить царю вопрос о «бережении» ногайских послов и купцов в январе—феврале 1551 г., когда военные действия против Ногайской орды были в разгаре, было бы просто дико. И уже одно это говорит о том, что дополнительные «царские вопросы» не оглашались на Стоглавом соборе, да и готовились отнюдь не в самый канун его.

³¹ Там же, стр. 80.

³² Д. Стефанович. О Стоглаве, стр. 84.

³³ ПСРЛ, т. XIII (первая половина), стр. 161—162.

Но вернемся к *главным* аргументам С. О. Шмидта и А. А. Зими́на против отнесения дополнительных вопросов к Стоглавому собору.

Во-первых, так называемый *вопрос о слободах*.

15 сентября 1550 г., как сообщает об этом Стоглав (гл. 98), состоялось то известное совещание царя с митрополитом, на котором Макарий сделал попытку приостановить распространение ранее («преж сего») принятых решений об упразднении иммунитетных привилегий духовенства в отношении «новых» городских слобод и на слободы «старые». Имелись в виду «приговор» царя с освященным собором, что «слободом всем новым тянути с городскими людьми во всякое тягло и з судом», и «царский приговор» об возвращении на посад всех посадских людей, вышедших в новые слободы после письма. Поскольку оба эти приговора уже фигурируют в новом Судебнике и как раз в расширительном толковании: первый — в ст. 43 («тарханных вперед не давати никому: а старые тарханные грамоты поимати у всех»), а второй — в ст. 91 («а торговым людем городцким в монастырех в городцких дворех не жити, а которые торговые люди учнут жыти на монастырех и тех с монастырей сводити»), то, безусловно, они были приняты до Судебника (т. е. до июня 1550 г.) и не в период окончательного утверждения его текста, а раньше, когда правительство еще только развертывало свое наступление против столь разросшихся в период боярского правления земельных владений и политических прерогатив церкви. Была ли это весна 1550 г. или был еще 1549 г., сказать трудно, но больше похоже последнее, так как именно летом 1549 г. (4 июня) выдана Иваном IV известная дмитровская таможенная грамота, из которой явствует, что как раз в это время правительство проводит в жизнь царский указ по ликвидации монастырского иммунитета в отношении таможенных пошлин, который Б. А. Романов вполне обоснованно рассматривает «как прецедент в отношении к ст. 43 Судебника 1550 г. — об отмене тарханных грамот». Точная дата принятия этого указа или приговора (тоже, возможно, принятого царем с участием освященного собора) неизвестна, но «если бы, — по мнению Б. А. Романова, — эта дата пришлось на первую половину 1549 г. (во всяком случае ранее 4 июня), то мы имели бы второй пример (наряду с «волчими» жалованными грамотами детям боярским от 28 февраля 1549 г.) „подготовительной“ к Судебнику указной деятельности правительства, так называемой избранной рады».³⁴ Естественно поэтому, что к весне 1549 г. наиболее вероятно приурочить и третье подобное им подготовительное мероприятие к Судебнику и как раз к ст. 43 — ликвидацию монастырских тарханов в отношении

³⁴ Б. А. Романов. Комментарий к Судебнику 1550 г., стр. 192.

новых слобод, а следовательно, считать их всех как бы результатом (прямым или косвенным) февральского Собора 1549 г.

Какова была роль духовенства на Соборе 1549 г., сказать трудно, но факт остается фактом, что итог начатых на нем подготовительных работ по составлению Судебника был далеко не благоприятным для церкви, судебно-податные привилегии которой подверглись серьезному ограничению. Если же к этому прибавить трактовку в Судебнике вопроса о вотчинном землевладении, точнее о праве родового выкупа вотчины (ст. 85), направленную отнюдь не против княжат и бояр, а в защиту вотчинного землевладения (и крупного, и мелкого) от «стороннего человека» (по терминологии Судебника) или «чужих рук» (по меткому выражению Б. А. Романова) в лице владык и монастырей, развернувших еще с конца XV в. столь «безудержный и бесконтрольный» «папор на земли всего светского сектора вотчинного землевладения, безотносительно к калибрам и общественному положению его представителей вплоть до детей боярских и даже „всяких людей“»,³⁵ то угроза, нависшая в это время над церковью, станет еще более ясной». И не этим ли объясняется, что Судебник был утвержден в июне 1550 г. Боярской думой без участия духовенства (во всяком случае, в отличие от преамбулы приговора о местничестве от июля 1550 г., оно не упоминается в заголовке Судебника), явно не сочувствующего (если не сказать больше) его антицерковным «мирским» тенденциям? И, наконец, не объясняется ли этим сопротивлением большинства духовенства и особенно его высшей иерархии новому политическому курсу стремление различных московских политических группировок перепести окончательное решение этого вопроса на какое-то иное представительное собрание? Одни, видимо, надеялись достигнуть этим большего, другие — отстоять свои позиции. Если это так, то тогда вполне понятно и обоснованно, почему царь (а вернее, его ближайшее окружение), несмотря на принятие нового Судебника Боярской думой, вынужден был все же вынести его на последующее утверждение Стоглавого собора.

Что же касается замечания И. И. Смирнова о том, что С. О. Шмидт и А. А. Зимин ошибаются, утверждая, что вопрос о слободах был уже решен еще сентябрьским приговором 1550 г., то это отнюдь не значит, как он полагает, что царский вопрос о новых слободах (а следовательно, и весь царский проект реформ) должен быть обязательно составлен после сентября 1550 г.³⁶

По нашему мнению, сличение ст. 85 Судебника с гл. 98 Стоглава лишь подтверждает (о чем мы уже указывали выше), что

³⁵ Б. А. Романов. 1) Комментарий к Судебнику 1550 г., стр. 297—319; ср.: 2) К вопросу о земельной политике Избранной рады. Исторические записки, т. 38, М., 1951.

³⁶ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 486.

еще осенью 1550 г. в правительствующих кругах шло обсуждение этих вопросов. Во всяком случае в гл. 98 Стоглава ничего не сообщается о том, что при разговоре царя с митрополитом 15 сентября о положении владычных и монастырских слобод этот вопрос был окончательно решен или, наоборот, вновь поставлен, да и вообще вряд ли сентябрьский «приговор» был оформлен в особый закон (он им стал, и то условно, лишь после включения этого разговора в гл. 98 Стоглава), а речь шла лишь о попытке митрополита по-своему (в отличие от местных властей — наместников и волостелей) истолковать ранее принятые царские приговоры по этим вопросам. И уже тем более речь шла только о владычных и монастырских слободах, в то время как в «царских вопросах» проблема ставится шире, радикальнее и применительно как к монастырским, так и к княжеским и боярским слободам. «Да у монастырей, и у князей, и у бояр слободы вновь починены, — гласил «царский вопрос», — а где бывали старые, извечные слободы, государская подать и земьская тягль изгнбла, и вперед как тому быти? И възрите в дедови и в батькови в уставные книги, каков был указ слободам, ино бы так и ныне учинити». То же, что в данном случае, как и в остальных «царских вопросах», не упоминается новый Судебник, то это вполне понятно, поскольку он сам должен был еще утверждаться, и было бы по меньшей мере странно, если бы Иван IV, говоря о существующих в стране непорядках, ссылался на новое, еще окончательно не утвержденное законодательство.

Сложнее обстоит дело с рассмотрением второго аргумента, выдвигаемого А. А. Зиминим и С. О. Шмидтом в пользу своей точки зрения, — *вопроса о местничестве*.

Но сперва несколько слов об истории этого знаменитого приговора в его летописной интерпретации.

В Казанский поход, как сообщает летопись, Иван IV (вместе с войском) выступил из Москвы 24 ноября 1549 г. 3 декабря он был уже во Владимире, где в присутствии специально вызванных туда митрополита с «своим собором» состоялось какое-то особое войсковое собрание «бояр и воевод и князей и всех людей воинства царева», участвующих в походе, на котором Макарий выступил с «поучением» против местничества, призвав прекратить на время похода всякие «розни» и делать «государево земское дело» «не яростною мыслию друг на друга взирая, а любовию». О подобных же мероприятиях против местничества, принятых (по царскому запросу) в Нижнем Новгороде, куда царь прибыл 18 января, летописи, правда, ничего не сообщают. Но судя даже только по летописному рассказу о владимирских событиях, вряд ли можно сомневаться в правдоподобности царской версии (в вопросах) о принятии приговора о местничестве Боярской думой перед самым Казанским походом (когда «нарежался есмь х Казани»), т. е. в ноябре—декабре 1549 г., тем более

что в одной из частных разрядных книг XVI в., опубликованной Свиныным, сохранился и сам текст этого приговора, датированный декабрём 1549 г. и содержащий даже дьячьи скрепы. Приговор регламентировал местнические отношения между воеводами основных полков (Большого, Передового, Правой илевой руки и Сто-рожевого полков). Правда, по данным официальной Разрядной книги 1556 г., по существу тот же приговор (но в несколько иной редакции) был вынесен в июле 1550 г. и именно тогда записан в нее. Этот же приговор (правда, в краткой и несколько вольной передаче) повторен и в числе дополнительных статей к Судебнику 1550 г., в некоторых списках. Естественно поэтому, что возникает вопрос, сколько же было «приговоров» о местничестве: если два (от ноября—декабря 1549 г. и от июля 1550 г.), то почему они почти тождественны и почему все-таки их два, а если приговор был только один, то когда он был принят — в ноябре или декабре 1549 г. или в июле 1550 г.? Историография отвечает на эти вопросы по-разному. Ряд исследователей считает, что приговор был один, но одни относят его к июлю 1550 г. (например, П. Н. Милуков), а другие — к ноябрю—декабрю 1549 г. (например, И. И. Смирнов). Третья же группа исследователей (например, А. А. Зимин, С. О. Шмидт, В. И. Буганов) полагает, что в источниках идет речь о двух различных, хотя и близких по содержанию приговорах: от декабря 1549 г. и июля 1550 г.

Наиболее развернутая аргументация в пользу той и другой точек зрения проведена А. А. Зиминным и И. И. Смирновым и суть ее — сравнение дошедших до нас разрядных списков приговоров о местничестве 1549 и 1550 гг., причем А. А. Зимин делает из этого вывод о наличии двух различных приговоров,³⁷ а И. И. Смирнов, наоборот, о наличии всего одного приговора

³⁷ «В соответствии с правительственными планами военных реформ, — пишет А. А. Зимин, — в июле 1550 г. был издан новый приговор о местничестве, подтвердивший и конкретизировавший постановление 1549 г. о местнических делах» («впрочем, приговор стремился не отменить, а лишь урегулировать местнические счёты»). И далее: «Достоверность декабрьского приговора 1549 г. лучше всего характеризуется наличием в его тексте дьячьих помет. Оба приговора имеют как общие черты, так и существенные различия, объясняющиеся дальнейшей выработкой норм, ограничивающих местничество. В приговоре 1550 г. в отличие от приговора 1549 г. более тщательно регламентируется местническое отношение воевод. Если в первом устанавливалось, что второй воевода Большого полка должен быть „без мест“ по отношению ко всем другим воеводам, то во втором устанавливалось, что он должен быть „без мест“ лишь по отношению к большому воеводе Правой руки. В приговоре 1550 г. специально оговаривалось, что воеводы всех полков считались „меньше“ большого воеводы Большого полка, так как ранее в этом полку просто вводилось звание большого воеводы. Воеводы левой руки отныне считались „не меньше“ первых воевод Передового и Сторожевого полков». Таким образом, делает вывод А. А. Зимин, поскольку «оба памятника имеют... существенные различия, касающиеся местнического положения

1549 г., воспроизведенного в «Государеве разряде» 1556 г. (в отличие от разрядной книги, опубликованной Свиныным) под 1550 г., и объясняя имеющиеся между ними различия просто «дефектностью» списка Свинына. В доказательство этого И. И. Смирнов и проводит подробное текстологическое сличение приговоров в редакции «Государева разряда» 1556 г. и разрядной книги Свинына.

Попытаемся и мы более внимательно остановиться на каждом из этих приговоров.

Приговор о местничестве 1549 г. (так же, как и приговор 1550 г.) состоит из двух частей, как бы двух самостоятельных царских указов, принятых на основании соответствующих решений Боярской думы и записанных в разряд («в наряд служебный»). Первый указ регламентировал местнические отношения воевод различных полков между собой, а второй — между воеводами и служащими под их начальством князьями, «большими» дворянами и детьми боярскими. Применительно к этим указам (как бы подчеркивая тем самым их известную самостоятельность) в тексте приговора дважды значится, что каждый из них в отдельности царь «в наряд в служебный велел написать».

Конкретное же соотношение между собой текстов приговора о местничестве от декабря 1549 г. (по так называемой разрядной книге Свинына) и подобного же приговора от июля 1550 г. (по «Государевому разряду» 1556 г.) выглядит следующим образом.

Приговор 1549 г. начинается с указания на то, что в декабре царь Иван «приговорил» с митрополитом Макарием, братьями своими — князьями Юрием и Владимиром Старицким и «своими бояры», да «в наряд служебный велел написать...», где как были на цареве и великова князя службе боярам и воеводам. Сравнивая эту вводную часть текстов приговоров 1549 и 1550 гг., И. И. Смирнов делает вывод, что «вводная часть (ст. 1)» «полностью совпадает в обоих списках».³⁸ Правда, тут же оговаривается, что «различие» на самом деле все-таки имеется, хотя и «единственное» — «в списке официальной Разрядной книги отсутствуют слова „дьяком своим Ивану Елизарову с товарищи vele руки свои приложить“, имеющиеся в списке Свинына».

воевод», приговор 1549 г., по списку Свинына, «не может быть простым сокращением разрядного текста», включенного в «Государев разряд» 1556 г. (А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 342—344).

³⁸ Разбивка текста приговоров 1549 и 1550 гг. на статьи произведена самим И. И. Смирновым, причем за основу взят приговор 1550 г. и применительно к нему (включая даже перестановку текста в приговоре 1549 г., например ст. 6) производится «постатейное сопоставление» их текстов в целях доказательства, что список Свинына дефектен — отдельных статей вообще нет и ряд статей, имеющих более краткую редакцию, якобы искусственно оборван. Нам представляется более правильным сличать списки приговоров в том виде, как они дошли до нас в действительности.

И даже более — «в его тексте (приговора 1549 г., — *Н. Н.*) сохранились скрепы дьяков: Ивана Елизарова, Никиты Фуникова, Андрея Васильева и Угрима Львова, отсутствующие в списке официальной Разрядной книги». ³⁹ Но как раз это «единственное различие» и показательно: значит, «полного совпадения» текста приговоров никак нет, а, наоборот, наличествует существенное доказательство в пользу того, что «список» приговора о местничестве 1549 г. в разрядной книге Свинына, как полагал еще Н. П. Лихачев, «представляет точную копию с оригинала», ⁴⁰ а именно это отрицает И. И. Смирнов.

Не подтверждает точку зрения И. И. Смирнова и последующее сличение текстов «приговоров» 1549 и 1550 гг. Так, первая часть приговора 1549 г., посвященная регламентации местнических отношений между воеводами различных полков, устанавливает: «В Большом полку быти большому воеводе, а кто будет в Большом полку другой воевода и тому другому воеводе ни до одного полку до больших и до других воевод дела нет и щету, быти ему без мест. А Правой руки воеводам больше быти Левые руки воевод, а Передовому полку и Сторожевому полку воеводам (до) Правые руки воевод дела и щету нет, быти им в тех полках без мест для царя и великого князя дела». Таким образом, приговор 1549 г., констатируя положение большого воеводы Большого полка как старшего над всеми полковыми воеводами (т. е. командующего армией) и находящегося вне всяких местнических отношений, определяет положение второго воеводы Большого полка, тоже как находящегося «без мест» в отношении всех воевод других полков. Далее устанавливается, что воеводе полка Правой руки быть больше воеводлевой руки, а воеводам Передового и Сторожевого полков «щету нет» до воевод Правой руки — «быти им в тех полках без мест для царя и великого князя дела». Последнее указание явно говорит о том, что приговор 1549 г. имел первоначально строго конкретное назначение — ограничить местничество не вообще, а «для царя и великого князя дела», т. е. на время предстоящего похода на Казань. Отсюда и необходимость его дальнейшего переутверждения в июле 1550 г. и превращения уже в постоянно действующий закон, ведь не случайно он понимался позднее чуть ли не как дополненная статья Судебника 1550 г., хотя официально он в таком качестве не числился.

Но переутверждение приговора в 1550 г. не было простым его переизданием, а сопровождалось внесением в него ряда новых моментов. Это и понятно, если учесть, что приговор 1549 г. не только не привел к урегулированию местнических распри в армии, а, наоборот, явился стимулом к их резкому обострению.

³⁹ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 493.

⁴⁰ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, стр. 235.

Именно поэтому, вынося новый приговор, правительство попыталось, с одной стороны, более точно регламентировать местничество в армии (и, как мы видели, только в армии), а во-вторых, смягчить постановление приговора, вызывающие наиболее острые споры. Так, констатируемое приговором 1549 г. положение о старшинстве большого (первого) воеводы Большого полка получило в приговоре 1550 г. свое раскрытие путем прямого указания, что первые воеводы Передового, Правой илевой Руки и Сторожевого полков меньше первого воеводы Большого полка. В то же время постановление о всеместническом положении второго воеводы Большого полка в отношении всех воевод других полков получило ограничение. Отмечается лишь, что первый воевода Правой руки равен («без мест») второму воеводе Большого полка. Ограничивается и положение приговора 1549 г. о равенстве воевод Передового и Сторожевого полков и полка Правой руки. По приговору 1550 г. оно распространяется лишь на первых воевод Передового и Сторожевого полков, которым «быти Правой руки не меньше». Наконец, конкретно регламентируется и положение воевод полкалевой Руки — они должны быть «не меньше» первых воевод Передового и Сторожевого полков, но второй («другой») воеводалевой Руки должен быть меньше второго воеводы Правой руки.

Вряд ли можно допустить, что такая строго продуманная (и логически связанная) система редактирования и дополнения приговора 1549 г., осуществленная при его переутверждении в 1550 г., является «результатом» простой «дефектности» списка Свинына. Это вынужден признать и сам И. И. Смирнов, который хотя и делает общий вывод о том, что «различия между „приговорами“ 1549 и 1550 гг., являются простыми дефектами текста приговора в списке Свинына», но при конкретном текстологическом их сличении (в явном противоречии со своим же собственным итоговым заключением) отмечает, что «несколько большая общность формулировок» (а мы уже видали, что не только «общность», но и их логическая направленность), отличающая список Свинына от текста официальной Разрядной книги, «или результат позднейшей редакционной работы над первоначальным текстом, или указание на известную дефектность списка на этот раз официальной Разрядной книги».⁴¹ Естественно, что, подобного рода конкретные наблюдения отнюдь не подкрепляют общие выводы И. И. Смирнова о дефектности именно списка Свинына и о наличии всего одного приговора о местничестве 1549 г.

Не менее наглядные результаты дает сличение второй части приговоров 1549 и 1550 гг., определяющей отношения воевод с находящимися под их командованием князьями, большими

⁴¹ И. И. Смирнов. Очерки... стр. 493—494 (курсив наш, — Н. Н.).

дворянами и детьми боярскими и сформулированный в обоих приговорах в следующем виде: «А князем и дворяном большим и детем боярским на цареve великого князя службе с бояри и с воеводами и с лехкими воеводы царева и великова князя дела для быти без мест» (цитируем по списку Свиныина). Во исполнение этого общего категорического предписания царь и «велел писати» в 1549 г. «в наряд служебный» два распоряжения: во-первых, если «детем боярским и дворянам большим лучитца на цареve и великого князя службе быти с воеводами не по их отечеству и в том их отечеству парухи никоторые нету» и, во-вторых, «а которые дворяне большие будут с воеводами где на службе не по своему отечеству, а вперед где лучитца их тех дворян, кому быти большим, самим быти в воеводах с теми же воеводами, с которыми они были, и с теми воеводами тогда дать щет по их отечеству».

Какие же изменения притерпели эти распоряжения в 1550 г. Первое — никаких, и было лишь еще раз повторено, второе — весьма значительное. Последнее будет особенно заметно, если непосредственно сопоставить его текст 1549 и 1550 гг.

Приговор декабря 1549 г.
(по Разрядной книге Свиныина)

А которые дворяне большие будут с воеводами где на службе не по своему отечеству, а вперед где лучитца из тех дворян, кому быти большим, самим быти в воеводах с теми же воеводами, с которыми они были, и с теми воеводами тогда дать щет по их отечеству.⁴²

Приговор июля 1550 г.
(по «Государеву разряду» 1556 г.)

А которые дворяне большие *ныне* будут с *меншими* воеводами где на *цареve* и *великого князя* службе не по своему отечеству, а вперед из них лучитца, кому из тех дворян *болших*, *самим* быти в воеводах с теми ж воеводами вместе, с которыми *оне* были, *или им лучитца где быти на какове посылке* — и с теми *им* воеводами, с которыми *оне* бывали, *счет дати* тогда, и *быти им* тогда в воеводах по своему отечеству; а *наперед* того, *хотя* и бывали с которыми воеводами с *меншими* на службе, и тем дворяном с теми воеводами в *счете* в своем отечестве *порухи нет* по *государеву* и *цареvu* и *великого князя* приговору.⁴³

Как мы видим, смысл проведенной в 1550 г. переработки соответствующего постановления приговора 1549 г. заключался в разъяснении как поступать «ныне» (т. е. в июле 1550 г.) в подобных случаях. Уже само введение в текст приговора 1550 г. временного местоимения «ныне» исключает возможность истолкования его, как простую запаздавшую запись ранее принятого

⁴² Отечественные записки, ч. XXVIII, 1826, стр. 427—428.

⁴³ ДРК, стр. 142—143 (курсивом нами выделены все новые в смысловом значении исправления и дополнения в тексте приговора 1550 г. по сравнению с приговором 1549 г., — Н. Н.).

приговора. Именно то, что ранее принятое постановление о местничестве породило столько кривотолков и раздоров (о чем мы уже знаем из царских вопросов), и вызвало необходимость снова, «ныне», т. е. в июле 1550 г., его подтвердить, но подтвердить в новой, более развернутой и уточненной редакции. Уточнялось, во-первых, что постановление касалось взаимоотношений больших дворян лишь с «меньшими воеводами» (а не вообще «воеводами», как можно было толковать приговор 1549 г.); во-вторых, оно распространялось не только на службу в полках, но и на иные ратные «посылки»; в-третьих, гарантировать на будущее не только право «больших» дворян получать с этими воеводами «щет по их отечеству», но и «быти» «в воеводах по своему отечеству». Что же касается службы «наперед того», т. е. по приговору 1549 г., то «хотя и бывали (большие дворяне, — Н. Н.), с которыми воеводами меньшими на службе», то специально подтвердилось, что «тем дворяном с теми воеводами в счете в своем отечестве поруки нет по государеву и цареву и великого князя приговору». Нельзя оценить этих разъяснений иначе, как попытку правительства успокоить и княжат, и «большое» дворянство (видимо, по-прежнему сомневающихся в надежности «наперед того» принятых постановлений), заверив их, что положения приговора 1549 г. будут соблюдаться и «ныне», но с учетом сделанных поправок, более строго регламентирующих его действия и более надежно защищающих отнюдь не колеблемые им права московской аристократии.

Если же учесть, что по этой же линии идут и другие отличия, имеющиеся в приговоре 1550 г., по сравнению с приговором 1549 г., и внесенные в него «ныне», то нельзя не прийти к заключению, что правительство шло скорее по пути смягчения известного радикализма приговора 1549 г. в отношении ограничения местничества в действующей армии, чем наоборот.

Таким образом, мы видим, что на самом деле был не один, а два приговора о местничестве. Первый, принятый в ноябре—декабре 1549 г. и, возможно, рассматривавшийся среди боярства лишь как временная, чрезвычайная мера на период Казанской войны (отсюда и попытка его игнорировать), и второй — его подтверждающий и уточняющий, а главное превращающий в постоянно действующий закон, принятый Боярской думой по специальному царскому запросу в июле 1550 г. Что же касается того, что в официальной Разрядной книге 1556 г. записан только один июльский приговор, то это вполне понятно — зачем было сохранять в книге (составленной уже задним числом и включающей в себя лишь действующие постановления) текст старого приговора. Он просто был из нее исключен при записи новой, утвержденной его редакции. В разрядных книгах частного происхождения, составлявшихся не только по «Государеву разряду» 1556 г., но и с привлечением самих старых разрядных записей,

это могло быть и не соблюдено, тем более что оба приговора датированы одним годом — 7058. Их составители, наоборот, могли оставить первый приговор, а исключить второй, как его повторяющий (видимо, это и имело место при составлении разрядной книги Свиньиных, тем более что в руках ее составителей имелся приговор 1549 г. с дьяческими подписями).

Но если это так, то тогда мы действительно имеем еще одно существенное доказательство в пользу того, что дополнительные «царские вопросы» были составлены до июля 1550 г. Таким сроком, всего вероятнее, надо считать период с марта по июль 1550 г., время после возвращения царя из Казани и до принятия в июле приговора о местничестве (но до отъезда царя 20 июля из Москвы). Скорее всего они были составлены одновременно с Судебником в июне 1550 г.

Так же считает и С. О. Шмидт. Но, по его мнению, указанный проект реформ был не только составлен в это время, но и обсужден на состоявшемся летом 1550 г. «третьем соборе примирения». Нам же кажется, как мы уже отмечали, что именно собора или иного подобного рода собрания в это время и не удалось собрать. Не удалось собрать как раз потому, что и в Судебнике и в проекте реформ было слишком много острых, спорных вопросов, вызывавших весьма неодобрительное отношение к ним в определенных правительственных кругах. Особенно это касалось высшей церковной иерархии, явно не желавшей идти на уступки в вопросе об ограничении церковного землевладения и церковных привилегий (пресловутый вопрос о слободах). Поэтому-то Судебник и был утвержден Боярской думой (без участия митрополита и владык), но не введен в действие. Остальные же вопросы, тоже, возможно, были оглашены и предварительно рассмотрены на Боярской думе, но также еще не были, как правило, обличены в конкретные правительственные решения. Исключение было сделано лишь по вопросу о подтверждении и уточнении старого приговора о местничестве, что ввиду начала войны с Крымом и Казанью (18 июля крымский хан уже подошел к русским южным рубежам) не допускало отлагательств. Этот новый приговор и был принят Боярской думой уже с участием митрополита (тут церковь была на стороне царя). Окончательное же рассмотрение остальных реформ было перенесено на осень. Именно с этого времени (после июля) и развернулась практически подготовка к предстоящему Стоглавому собору, который должен был решить если не все, то большинство из указанных вопросов. Тогда же (в августе—сентябре) были составлены и проекты знаменитых царских речей с упоминанием о соборе «примирения» «в преидущее лето», которые и были оглашены Иваном на Стоглаве. Что касается дополнительных «царских вопросов», столь созвучных этим речам (явно в одном ключе они были составлены), то они, всего вероятнее, в силу

изменившихся обстоятельств на соборе не оглашались, хотя и были хорошо известны его участникам. Поэтому-то они и находились в руках у новгородского архиепископа Феодосия, а Епифанием Турским были приобщены к материалам Стоглава.

Но не противоречит ли напе столь категорическое утверждение, что собор «примирения» был только один и был именно в феврале 1549 г., известию хрущевской Степенной книги о подобном же соборе «примирения», состоявшемся якобы в 1550 г.? (До этого мы специально умалчивали об этом важнейшем, но не менее сложном источнике). Нам думается, что не только не противоречит, но, наоборот, помогает понять происхождение и характер этого в свое время столь шумевшего летописного сообщения.

Как известно, знаменитая вставка о соборе «примирения» 1550 г., сохранившаяся в одной из рукописей Степенной книги, принадлежавшей Хрущеву, представляет собой красочный рассказ о созыве в Москве, когда царь «бысть в возрасте 20 году», из-за «насилия сильных и от неправд» Земского собора «из городов всякого чину» людей, чтобы «установити крамолы, и неправды разорити и вражду утолтит». Перед собравшимися в одно из воскресений выступает царь и произносит на Лобном месте покаянную речь с обвинением «бояр и вельмож» в злоупотреблении властью во время его малолетства и призывом к примирению. «оставя друг другу вражды и тяготы свои»: В конце речи царь поручает Алексею Адашеву принимать «челобитные» от всех «бедных и обидимых, и назирати их с рассмотрением», «избравши судей праведных от бояр и от вельмож».

Еще С. Ф. Платонов (первый обративший внимание на то, что это известие представляет собой вставку в текст Степенной книги) указывал на его чрезвычайное сходство и идейно и стилистически с рассмотренной выше речью царя на Стоглавом соборе 1551 г. и на этом основании пришел к выводу о его позднейшей интерполяции. Подделка была сделана, по мнению С. Ф. Платонова, в целях возвышения рода Колтовских, которым в XVII в. принадлежала рукопись, и близкого им рода Адашевых, причем ее автор использовал для этого речь царя на Стоглаве, добавив в нее некоторые сведения из переписки царя с Курбским. Выводы С. Ф. Платонова были приняты многими исследователями. Но еще В. О. Ключевский, отдавая должное наблюдениям С. Ф. Платонова, продолжал утверждать, что «каково бы ни было происхождение соборной царской речи, трудно заподозрить само событие».⁴⁴ Основным доказательством в пользу этого В. О. Ключевский считает упоминание царем на Стоглаве о своем с боярами покаянии перед собором «в преидущее лето».

⁴⁴ В. О. Ключевский. Курс русской истории, стр. 375—376; ср. стр. 197. Текст «вставки» в хрущевскую Степенную книгу цитируем по изданию — СГГД, ч. II, № 37, стр. 45—46 (ср. рукопись — ЦГАДА, ф. 181, № 26, лл. 1027—1029).

Опубликование в 1921 г. продолжения хронографа 1512 г., содержащего известие о февральских событиях 1549 г., подтвердило мнение В. О. Ключевского, что подобный собор в действительности все-таки был, но был не в 1550 г., а в 1549 г. Изменил свою точку зрения и сам С. Ф. Платонов (кстати, первый введший в научный оборот известие хронографа), считая теперь, что как раз «событие 27 февраля 1549 г. послужило поводом к составлению легенды о Земском соборе 1547 или 1550 года, когда будто бы царь на площади торжественно говорил всему народу покаянную речь и обещал ему правосудие».⁴⁵ По мнению С. Ф. Платонова, как раз об этом Грозный напоминал в своей речи на Стоглавом соборе.

И, действительно, достаточно сличить сообщение хронографа 1512 г. о февральских событиях 1549 г. и рассказ хрущевской Степенной книги о царском выступлении на Лобном месте (произнесенной якобы в 20-й год его правления), как будет ясно, что в основе того и другого известия лежат одни и те же события, а именно Собор 1549 г., и только об этом одном соборе «примирения» говорится в царской речи на Стоглаве.

Так, в хронографе, Степенной книге и Стоглаве по существу сообщается об одном и том же: на особом представительном собрании состоялось примирение между царем и боярами, с одной стороны, и боярами «со всеми христианами» — с другой. Главным вопросом обсуждения был вопрос о ликвидации самовольства и злоупотреблений властью бояр-управителей (всех категорий, и в первую очередь бояр-наместников) в период малолетства царя и примирения их с местным населением. Общий итог — примирение «на срок» между боярами и населением и решение о «праведном» суде по всем челобитьям. Что же до различий, то они касались лишь перечня конкретных мероприятий по обеспечению этого «праведного суда». Хронограф говорит об особом царском суде между боярами, детьми боярскими и крестьянами по челобитьям местного населения на бояр-управителей. Степенная книга повторяет то же, но в более пространной форме и с конкретизацией — указанием, что прием и рассмотрение челобитных поручено Алексею Адашеву, в Стоглаве же лишь констатируется общее примирение бояр, приказных людей и кормленщиков «со всеми землями» «во всяких делах». Кроме этого, хронограф сообщает о принятии особого указа о неподсудности детей боярских наместникам, о чем Степенная книга не говорит, но зато Стоглав сообщает о принятии решения об исправлении Судебника, в состав которого, как мы уже отмечали, и вошел данный указ. Иначе говоря, различия касаются лишь конкретных мероприятий по выполнению общего решения о примирении и установлении «праведного суда», упорно повторяемого каждым из наших источников, причем сведения этих источников отнюдь не противоречат

⁴⁵ С. Ф. Платонов. Иван Грозный, стр. 61—62.

друг другу, а, наоборот, дополняют, так как принятие указа о неподсудности детей боярских непосредственно связано с решением о составлении нового судебника, а решение об особом порядке рассмотрения челобитей местного населения на бояр непосредственно в царском суде — с решением о создании «челобитного приказа» во главе с А. Адашевым. И поэтому у нас, как нам кажется, нет никаких оснований двоить, а тем более троить это событие только потому, что о нем говорят разные источники.⁴⁵ Что же касается указания автора вставки в хрущевскую Степенную книгу, что эта речь была произнесена молодым царем «в день недельный», то ближайшие к 27—28 февраля 1549 г. воскресения были 24 февраля и 3 марта (год был не високосный). Почему же не предположить, что как раз 3 марта и было (вернее, могло быть) днем выступления царя на Красной площади. Во всяком случае, судя по содержанию царской речи и особенно по ее сопоставлению с сообщением продолжения хронографа 1512 г. о кремлевских собраниях 27 и 28 февраля 1549 г., она могла быть произнесена лишь после них в целях сообщить москвичам, специально собравшимся для этой цели на Красной площади и, видимо, отнюдь не пассивно реагирующим на работу заседавшего в царских палатах Собора, о принятых решениях. Если это так, то тогда становится более понятно, почему эта речь по сравнению с известием хронографа о царских речах перед боярами и детьми боярскими в Кремле носит более демагогический, широко-вещательный характер, почему в ней ничего не говорится о конкретном решении по урегулированию взаимоотношений между боярами и дворянами (не та была аудитория!), но зато особо выделяется вопрос об обязательстве царя справедливо рассматривать все челобитья о «неправдах» и «хищениях», надзирать за рассмотрением которых поручается Алексею Адашеву. Для собравшейся на Красной площади толпы, состоявшей, видимо, в основном из посадских людей, именно это было главным. Ее надо было успокоить, а отнюдь не рассказывать ей о конкретных законодательных мерах, а тем более проектах, которые были предметом рассмотрения Земского собора 1549 г.

Думается, что есть и другие данные, подтверждающие правдоподобность именно этих хронологических рамок для работы Собора 1549 г.

16 февраля в Москве были завершены весьма важные переговоры между польско-литовским посольством и московским пра-

⁴⁵ И уж никак мы не можем согласиться, как и М. Н. Тихомиров и С. О. Шмидт, с мнением В. П. Автократова, что «все» сведения хрущевской Степенной книги о царском покаянии на Красной площади «противоречат действительному положению вещей в XVI в.» (В. П. Автократов. «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII века. ТОДРЛ, т. XI, стр. 269—278; ср. М. Н. Тихомиров, указ. исслед., стр. 5—7; С. О. Шмидт, Соборы середины XVI века, стр. 80—81).

вительством, закончившиеся заключением перемирия на пять лет (послы находились в Москве с 19 января), и очень вероятно, что как раз после отъезда послов и проходили интересные нас московские соборные заседания, закончившиеся в начале марта. Показательно также, что 10 марта 1549 г. симоновский архимандрит Трифон был назначен архиепископом в Суздаль, а 17 марта троцкий игумен Никандр архиепископом в Ростов (выборы архиепископов обычно проходили на церковных соборах). И мы присоединяемся к С. О. Шмидту, который, приводя эти данные, полагает, что именно «этот церковный собор и был вторым церковным собором по канонизации новых чудотворцев, и М. А. Дьяконов правильно сближал „собор примирения“ с церковным собором 7057 года, месяц созыва которого не указан в источниках».⁴⁷ Но сближая эти соборы, мы не хотим сказать, что это был единый церковно-земский собор, а лишь думаем, что мартовский церковный собор проходил сразу же после февральского Земского собора 1549 г. и находившиеся в то время в Москве церковные иерархи принимали участие и в том, и в другом. Таким образом, оба собора представляют собой как бы единый комплекс мероприятий московского правительства, направленных на стабилизацию внутреннего положения в стране. Очень возможно поэтому, что мартовский церковный Собор 1549 г. рассматривал далеко не только сугубо церковные вопросы, но и, например, вопрос об отмене тарханов. В этом свете упоминавшаяся выше царская грамота от 4 июня 1549 г. в Дмитров о ликвидации таможенных привилегий почти всех монастырей, кроме четырех крупнейших, выданная на основе какого-то не дошедшего до нас общего постановления по этим делам («ныне» царь «все свои грамоты жаловальные тарханские... в таможенных пошлинах и в померных порудил»); еще больше привязывается к февральско-мартовским светско-церковным собраниям 1549 г., как собраниям принявшим или одобрявшим принятие царем издаваемых в ней ограничительных мероприятий в отношении церковных податных привилегий.

Но как сочетать подобную трактовку вопроса о Соборе «примирения» 1549 г. (как соборе, положившем начало разработке нового Судебника и изложенной выше программы реформ) с недавно обнаруженной А. И. Копаневым припиской В. Н. Татищева на принадлежащей ему рукописи второй части Львовской летописи об утверждении нового Судебника на специально собранном для этого Земском соборе. Приписка сделана против текста, относящегося к 1544 г., и гласит: «Да, видя же князь великий, что и в судах неправды и грабления, оставя предков уложения судят по своей воли, и для того велел князь великий собрати от городов добрых людей по человеку, да и к тому бояр, окольных, и

⁴⁷ С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века, стр. 74 и сл.

дворецких велел сидети и судебник со старых уложений делати, его же зделав, все крестным целованием утвердили, что держати в правду».⁴⁸

А. И. Копанев, считая это известие вполне надежным и полагая, что речь может идти лишь о Судебнике 1550 г., приходит на основании его к следующему заключению. Во-первых, что «Судебник 1550 г. был выработан на Земском соборе при участии представителей от городов, Боярской думы и других чинов государственного централизованного управления». Во-вторых, «указанная приписка Татищева в какой-то мере подтверждает сообщение хрущевской Степенной книги о речи 20-летнего царя (т. е. в 1550 г.) с Лобного места перед собравшимися из городов представителями „всякого чину“, приведенное еще Н. М. Карамзиным, но поставленное под сомнение С. Ф. Платоновым». Но в то же время А. И. Копанев сразу же делает оговорку, что он «не решает» «сейчас вопроса о достоверности показаний хрущевской Степенной книги», а считает необходимым лишь «отметить», что и в хрущевской Степенной книге, и в татищевской приписке «сообщается о факте созыва в 1550 г. представителей городов, т. е. провинциального дворянства, в Москву» и «если по Хрущевской книге собравшиеся прослушали речь царя о непорядках в Русском государстве, то по тексту приписки Татищева они принимают участие в выработке судебного — важнейшей реформе 50-х годов XVI в.». Поэтому, по мнению А. И. Копанева, «нельзя не поставить в связь указание приписки Татищева о Земском соборе, выработавшем Судебник 1550 г., и с речью царя на Стоглавом соборе 1551 г. В ней царь говорил о имевшем место каком-то важном совещании „в преидущее лето“ (т. е. 1550 г.), на которых, между прочим, и был возбужден вопрос о исправлении Судебника. В осуществление решений этого совещания и был собран Земский собор 1550 г., о котором говорится в приписке Татищева на полях Львовской летописи». «Следовательно, — делает вывод А. И. Копанев, — фактическое содержание приписки Татищева не противоречит данным других источников», тот же факт, что в приписке Иван Грозный назван не царем, а великим князем, а сама «приписка помещена параллельно с текстом летописи за 1544 г.» — объясняется просто тем, что Татищев, когда работал над рукописью Львовской летописи, еще не знал о Судебнике 1550 г., обнаруженном им лишь в 1734 г., и «дословно повторил свой источник, сообщавший об издании судебного, не исправляя его».⁴⁹

Таково мнение А. И. Копанева. Несмотря на оговорки, он, как мы видим, решительно настаивал на том, что именно в 1550 г. был специальный Земский собор, собранный Иваном IV для вы-

⁴⁸ БАН. ОР, № 46.12.12, л. 154.

⁴⁹ А. И. Копанев. Об одной рукописи, принадлежавшей В. Н. Татищеву. Тр. БАН, т. II, М.—Л., 1955, стр. 236—237.

работки и утверждения нового Судебника и именно этот собор и имеют в виду хрущевская Степенная книга и Стоглав.

Еще более категорическую позицию в отношении оценки приписки Татищева занимает С. О. Шмидт, утверждающий, что в ней речь идет как раз об июньском Земском соборе 1550 г., утвердившем Судебник «вслед» за принятием его Боярской думой. Возможным же источником татищевской приписки С. О. Шмидт считает один из летописцев XVIII в., указанный ему Т. Г. Липкиной, или его протограф, который почти дословно включает в свой текст под тем же 1544 г. данное известие (т. е. приписку Татищева).⁵⁰ То же, что известие об утверждении Судебника на Земском соборе помещено вслед за описанием боярских бесчинств и убийства князя Андрея Шуйского в декабре 1543 г., объясняется С. О. Шмидтом тем, что составитель этого летописца XVIII в. или его протографа, иначе говоря, «составитель позднейшей летописи, имевший под руками какие-то письменные источники или использовавший устные предания, рассматривал Судебник 1550 г. прежде всего в плане ограничения центральной властью боярского произвола и потому считал его издание непосредственным следствием событий конца 1543 г.»⁵¹

Но все дело в том, что в данном случае произошло досадное недоразумение. Летописец XVIII в., который имеет в виду С. О. Шмидт, представляет собой на самом деле беловую рукопись, сделанную для Татищева как раз с найденного А. И. Копаневым экземпляра второй части Львовской летописи, с внесением имевшейся на последней редакторских поправок и дополнений Татищева уже непосредственно в текст. Как известно, это была типичная для Татищева форма подготовки исходных материалов для его «Истории Российской». Еще А. Востоков, давший в своем описании рукописей Румянцевского собрания подробную характеристику этого летописца XVIII в., предположил, что «по некоторым приметам» можно думать, что эта летопись «принадлежала Татищеву и должна была войти в продолжение Истории его, которое в печатном IV томе доведено только до 1462 г.»⁵² А. Востоков исходил при этом из следующих соображений. Рукопись имеет заголовок: «Летописец начало царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси от отца его преставления великого князя Василия Ивановича всея Руси». Списан Макарием митрополитом всея Руси». Написана рукопись новым письмом XVIII в. на 212 листах и по своему содержанию, кроме некоторых незначительных разночтений, пропусков и «пополнений», соответствует Львовской летописи и точно на том же месте оканчивается. Но на каком основании и почему

⁵⁰ ГБЛ, РО, Румянц. собр., № 257, л. 46 об.

⁵¹ С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века, стр. 76—77.

⁵² Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842, № CCLVII, стр. 362—363,

ее «сочинителем» или «списателем» назван митрополит Макарий, неизвестно. В то же время в предызвещении к I тому своей «Истории» Татищев говорит: «Макарий митрополит описал жизнь царя Иоанна II и Грозного первые 26 лет, как порядочно по годам, так с достаточными обстоятельствами». Указанный же летописец XVIII в. точно заключает эти в себе 26 лет правления Ивана Грозного. Кроме этого, внешнее оформление текста (вынос на поля названия каждого примечательного происшествия или имени) соответствует оформлению «Истории» Татищева, наконец, и «язык летописателя в некоторых местах переделан и заменен новыми выражениями». Что же касается того, что Иван Грозный в страничных надписях назван Иваном IV, хотя в предызвещении Татищева он обозначен V, то это, по мнению А. Востокова, было связано с тем, что в IV томе своей «Истории» Татищев называет Иваном IV сына великого князя Ивана Васильевича, родившегося в 1455 г., и, следовательно, по новой татищевской системе обозначения (принятой позднее, после написания предызвещения) Иван Грозный должен был быть уже назван Иваном V. Наконец, даже правописание — употребление в летописце букв «сч» вместо «щ», как отмечает А. Востоков, типично татищевское.

Это было предположение А. Востокова. Но после обнаружения А. И. Копаневым экземпляра второй части Львовской летописи с редакционной правкой и дополнениями Татищева это становится совершенно очевидным. Произведенное нами сличение обеих рукописей показывает их почти полное тождество с той лишь существенной разницей, что вся та правка, которую внес Татищев в рукопись, хранящуюся в БАН, в рукописи Румянцевского собрания внесена непосредственно в текст и, кроме этого, в некоторых случаях, касающихся преимущественно внешнего оформления текста, рукою Татищева внесены незначительные дополнительные исправления. Иначе говоря, перед нами беловик рукописи, посвященной первым 26 годам правления Ивана Грозного, которую Татищев подготовлял в качестве основы для продолжения своей «Истории» уже применительно к XVI в.

А отсюда вывод, что соотношение между этими двумя татищевскими летописцами обратно тому, какое предполагал С. О. Шмидт, а во-вторых, и это главное — указанный им летописец XVIII в. ни в коей мере не может служить доказательством достоверности приписки Татищева к Львовской летописи о Земском соборе, утвердившем Судебник.

Нам думается, что к анализу приписки Татищева на полях Львовской летописи о созыве специального Земского собора для утверждения Судебника следовало бы подойти с несколько иных позиций.

Во-первых, о датировке. Если на имеющемся в руках Татищева известии о Земском соборе не было даты и он даже счел возможным отнести это к 1544 г., поставя его в связь с ликви-

дацией боярского правления, то почему мы обязательно и безоговорочно должны датировать его 1550 г. только на основании того, что новый дарский Судебник был принят Боярской думой в июне этого года. Ведь в приписке Татищева говорится не только о завершении, но и о начале работы над новым Судебником, о том, что «добрые люди» от городов, а также бояре, окольные и дворцовые были «собраны» великим князем, чтобы «сидети и судебник со старых уложений делати» и лишь потом, «его... зделав, все крестным целованием утвердили». А составление нового Судебника началось как раз по решению Собора 1549 г. (и очень возможно, что это была и одна из главных причин его созыва), во всяком случае, именно на нем был принят специальный закон о неподсудности наместникам детей боярских, вошедший в Судебник 1550 г., а также поставлен общий вопрос о прекращении «великих обид и продаж», чинимых боярами «детем боярским к крестьяном», «в землях и в холопах и в иных во многих делах», и об обеспечении на будущее справедливого царского суда. Но как раз об этом и идет речь в приписке Татищева. Та же причина: «в судех неправда и грабления» и судья, т. е. бояре, «оставя предков уложенья судят по своей воли», и та же по существу аудитория: по Татищеву — бояре, окольные, дворцовые, а также «от городов добрые люди», а по продолжению к хронографу 1512 г. — все первые три категории, плюс казначей (без участия которого вообще, кстати, нереальна выработка нового Судебника), а также воеводы, княжата, дети боярские и большие дворяне, которые, как известно, и выступали в качестве как раз «добрых людей» от городов на Земском соборе 1566 г. И трудно допустить, что на предшествующих ему соборах представительство было иное, так как представители третьего сословия (купцы и посадские люди) даже на Соборе 1566 г. были представлены отнюдь не по городовой принципу. Кроме этого, хронограф упоминает об участии в собрании «освященного собора», неотъемлемой части всякого Земского собора XVI—XVII вв. Татищев же об этом ничего не говорит. Поэтому мы считаем, что известие, приведенное Татищевым, касается Земского собора 1549 г., выделившего, видимо, специальную правительственную (думскую) комиссию, с участием представителей от городов (но без духовенства), которая и работала по составлению нового Судебника, закончив свою работу к лету 1550 г. и представив его в Боярскую думу. Что же касается сообщения Татищева, что после своего составления Судебник был утвержден «крестным целованием», то это слишком общее указание, из которого отнюдь не обязательно делать вывод, что Судебник был утвержден именно Земским собором, а не той же комиссией или просто Боярской думой. Во всяком случае сам факт, что Судебник в июне 1550 г. был принят Боярской думой, а потом представлен на утверждение Стоглавого собора, состоявшегося в январе—феврале 1551 г., и только после

этого, вошел в действие, исключает возможность проведения какого-то специального Земского собора между июнем 1550—февралем 1551 г., на котором был утвержден Судебник. Не мог состояться подобный собор и до рассмотрения Судебника Боярской думой.

Что касается предположения А. И. Копанева о том, что приписка Татищева в какой-то мере «подтверждает» сообщение хрущевской Степенной книги о Соборе 1550 г., то оно верно лишь в том смысле, что эти оба известия, по всей видимости, восходят к каким-то общим источникам, не имеющим точной датировки и поэтому породивших хронологическую путаницу: в приписке Татищева — отнесение одного и того же собора к 1544 г., а в хрущевской Степенной книге — к 20-му году правления царя Ивана, хотя на самом деле речь шла о событиях 1549 г.

Итак, проведенный нами выше разбор показаний источников о «соборах примирения» дает нам основания сделать вывод о том, что такой собор был всего один и происходил он не в 1550 г., а в феврале—марте 1549 г. и именно этот собор в «предидущее лето» имел в виду Иван Грозный в своей речи на Стоглавом соборе и именно по решению этого собора был составлен новый царский Судебник, а по «всем землям» устроены старосты, целовальники, соцкие и пятидесятские, о чем царь и подписал «установные грамоты под сей судебник», представив все вместе на утверждение Стоглавого собора. Иначе говоря, февральско-мартовский Земский собор 1549 г. положил начало введению на местах органов земского самоуправления.

Теперь мы подходим ко второй, более специальной теме нашего очерка — анализу решения вопросов местного управления в Судебнике 1550 г. Дело в том, что в отличие от всех других проектов и реформ, вызванных февральским Собором 1549 г., а также возникших позднее, но именно в связи с намеченным им новым политическим курсом на компромисс трех, казалось бы, отнюдь не столь уж лояльных друг другу общественных сил — боярства, дворянства и посадских людей, наиболее быстро была практически реализована реформа в области управления и суда — создан и утвержден новый Судебник. И поэтому у исследователя есть редкая возможность проверить на практике (в данном случае мы имеем в виду законодательную практику), как конкретно претворялся в жизнь новый политический курс при решении вопросов местного управления и суда. Не ошибаемся ли мы, что и тут явно превалировали отмеченные выше компромиссные черты?

Утвержденная Стоглавом «установная грамота», «которой в казне бити», до нас не дошла. Но общее представление о ее содержании и составе в значительной степени можно реконструировать

на основании Судебника 1550 г., поскольку она была «подписана» «под него» и, следовательно, по идее ее составителей, должна была соответствовать правовым нормам в их применении к организации местного управления.

Вообще надо отметить, что вопросам управления и суда, и особенно вопросам организации контроля правительства за деятельностью местных органов власти в лице наместников и волостелей, в Судебнике 1550 г. уделено особенно большое внимание, причем, как заметил еще И. И. Смирнов, «именно в этой части Судебника 1550 г. содержится наибольшее количество новых статей по сравнению с Судебником 1497 г., равно как из статей Судебника 1497 г., вошедших в состав Судебника 1550 г., наибольшей переработке, изменениям и дополнениям подверглись статьи об управлении и суде».⁵³ Все это еще раз говорит о том, что вопросы управления, а именно о них и шла речь на Соборе «примирения» 1549 г., были не только центральными, но и наиболее острыми, первоочередными вопросами нового правительственного курса.

Но в то же время, возможно, именно остротой и значительностью этих вопросов объясняется то, что решались они в Судебнике 1550 г. отнюдь не всегда радикально, а наоборот, в большинстве случаев компромиссно, охраняя интересы местного населения, особенно дворянства, но не лишая покровительства и кормленщиков.

Основу местного управления, по Судебнику 1550 г., по-прежнему еще составляет наместничье управление, базирующееся на системе кормлений. Концентрируется в руках наместников и волостей и местный суд, как по уголовным, так и гражданским делам.

Характеристика наместничьего суда дается в Судебнике 1550 г. в ст. 62—75. Эти статьи образуют, как отмечал еще Б. А. Романов, как бы особое «уложение о наместничьем суде».⁵⁴

В основе этого «уложения» лежит «указ наместникам о суде городским», объединяющий ст. 37—45 Судебника 1497 г.⁵⁵ Составители Судебника 1550 г. не только переработали, но и значительно расширили эти постановления, включив в него ряд совершенно новых статей (63, 68—70, 72 и 73).

Весьма широкий состав «уложения» о наместничьем суде Судебника 1550 г. наглядно виден уже из оглавления к нему,

⁵³ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 320.

⁵⁴ Б. А. Романов. Комментарий к Судебнику 1550 г., стр. 251, 279.

⁵⁵ По мнению Л. В. Черепнина, «все названные статьи (к которым автор присоединяет также ст. 64, 65 и 67, — Н. Н.), возможно, представляли собой когда-то самостоятельный памятник, посвященный вопросам организации наместничьего суда», который «впоследствии... вошел в состав Судебника 1497 г.» (Л. В. Черепнин. 1) Комментарий к Судебнику 1497 г. В кн.: Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952, стр. 77; ср.: 2) Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1951, стр. 359—367, 376—379).

составленного его переписчиком XVI в. для удобства применения в судебной практике и поэтому в известной мере показывающего оценку его значимости современниками.

«62. О наместниках, за которыми кормления з боярским судом.

63. О боярском суде.

64. Как судити наместникам детей боярских.

65. Что имати наместнику от правые грамоты пошлин.

66. О наместниках и о волостелех, за которыми кормления без боярского суда.

67. О наместничих тиунех, как им давати правые грамоты.

68. О старостах и целовальниках, в которых волостех наперед того старост и целовальников не было, кому в суде сидети, и ныне в тех волостех старост и целовальников учинити.

69. О наместничих и о волостелиных о судных о докладных списках.

70. Кого наместнич и волостелины люди учнут давати на поруку и по ком поруки не будет.

71. Наместником и волостелем и их тиуном татя и душегубца и всякого лихого человека без доклада ни продати, ни казнити, ни отпустите.

72. Наместником и волостелем судити всяких людей, обыскиваа по их животом.

73. Кто скажет, что у него взят чужей живот.

74. На котором городе два наместника или на волосте два волостеля.

75. Кто пошлет пристава по наместника или по волостеля и по их людей».⁵⁶

К этой единой группе статей, рассматривающих различные стороны наместничьего управления, по существу тематически примыкают и ст. 22—24, все новые и посвященные столь злободневному и столь остро обсуждавшемуся на февральском Соборе 1549 г. вопросу, как вопрос о судебных исках местного населения к наместникам и процедуре их разбирательства,⁵⁷ а также ст. 60, устанавливающая нормы и процедуру наместничьего суда по «лихим делам» и касающаяся их взаимоотношений с губными старостами, в ведении которых находились дела о «ведомых» разбойниках и татях. Наконец, сюда же следует отнести и ст. 95—96, рассматривающие вопрос о пятнании лошадей наместниками, волостелями и их пошлинниками.⁵⁸

⁵⁶ Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952, стр. 139.

⁵⁷ «22. Которые люди учнут искати на наместниках или на волостелех или на их людех по жалобницам, и наместники и волостели за своих людей не за всех учнут отвечать.

23. Которых людей те исцы учнут приписывати в ыски к наместничим или к волостелиным людям городцких или волостных людей.

24. Которые люди иногородцы учнут бити челом на наместников или на волостелей о обидах». (Судебники XV—XVI веков, стр. 136).

⁵⁸ Эти статьи вместе со ст. 94 составляют как бы особый устав о правах пятнения лошадей, применительно как для Москвы и Московского уезда (ст. 94), так и для провинциальных городов и волостей (ст. 95—96): «94. Кто купит лошадь на Москве или в Московском уезде.

95. Кто купит лошадь или менит в городе или волосте, где наместник или волостель.

96. О лошадях домарощенных и непродажных». (Судебники XV—XVI веков, стр. 140).

В своей совокупности все эти постановления дают довольно полную картину судебно-административных функций наместников по новому Судебнику. Весьма отчетливо выявляют они и то новое, что вносит Судебник 1550 г., по сравнению с Судебником 1497 г., в систему организации и деятельности наместничьего суда.

Лейтмотивом всей переработки норм Судебника 1497 г. о наместничьем суде, осуществленной в Судебнике 1550 г., был вопрос о роли и месте в этом суде земского представительства в лице старост и лучших людей, иначе говоря вопрос о взаимных обязанностях, правах и ответственности наместников, земских представителей и населения как перед друг другом, так и перед правительством. И все это было подчинено главной цели — нормализации отношений между кормленщиками и местным населением.

Институт земского представительства в наместничьем суде, начавший входить в практику с середины XV в., был узаконен еще Судебником 1497 г., предписывающим «без дворского, и без старосты и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити» (ст. 38), но и после него, как показывают те же правые грамоты, присутствие на наместничьем суде «судных мужей» далеко не было постоянным и повсеместным явлением в практике местного управления.⁵⁹ Поэтому в Судебнике 1550 г. эти же постановления сформулированы не только значительно более категорически, но и присутствующие на суде «лучшие люди» прямо обозначены, как целовальники, т. е. присяжные заседатели.⁶⁰ А превращение «лучших людей» в судебных целовальников как выборного института, ответственного и перед своими выборщиками и правительством за добросовестное выполнение своих обязанностей, было отнюдь не маловажным явлением в становлении на местах новой системы управления. Ведь нельзя забывать, что и в губных органах именно губные целовальники являлись связующим звеном между губными старостами, как представителями местного дворянства, и широкими слоями крестьянства и посадских людей, выбирающих их и несущих за них ответственность. Это повторяется и сейчас, хотя фигура наместника-кормленщика была явно иного происхождения, чем губные старосты, и окружение ее подобными земскими помощниками и в то же время кон-

⁵⁹ Л. В. Черепнин. Комментарий к Судебнику 1497 г., стр. 78.

⁶⁰ В Судебнике 1497 г. термин «целовальники» встречается всего один раз (в ст. 12) и служит не для обозначения целовальников как «судных мужей» при наместнике или волостеле, а обозначает просто выборных представителей местного крестьянского населения, подтверждающих на присяге правильность своих показаний о том, что то или иное лицо является татем. Даже если это были уже какие-то выборные земские лица (мирские ответственные представители), то во всяком случае они не являлись еще специальной категорией судебных целовальников. Таких целовальников Судебник 1497 г. еще не знает.

тролерами вело отнюдь не к укреплению положения кормленщиков, а, наоборот, способствовало обострению взаимоотношений между ними и местным населением. Но на первых порах правительство явно этого не понимало и надеялось путем строжайшей регламентации их взаимных обязанностей и прав достигнуть как раз обратного.

В чем же состояла суть этой новой правительственной регламентации наместничьего суда?

Во-первых, «уложение» о наместничьем суде Судебника 1550 г. устанавливает в общегосударственном масштабе единый размер наместничьих судебных пошлин. Так, если по Судебнику 1497 г. (ст. 38) размер пошлин определяется уставными наместничьими грамотами, выданными тому или иному городу или волости, и, следовательно, таксация их может быть различной применительно к различным кормлениям,⁶¹ то теперь в 1550 г. Судебник уже сам в ст. 62 устанавливает единую таксацию наместничьих судебных пошлин, отсылая к «уставной грамоте» лишь при определении пошлин доводчика, да и то с оговоркой, что «где не будет грамоты», «ему имати в городе хоженного по четыре денги, а езду на версту по денги, а на правду в городе или в волости вдвое». Значительно более тщательно, чем в Судебнике 1497 г., регламентируются Судебником 1550 г. и наместничьи пошлины от судебных поединков.⁶²

⁶¹ «А имати ему (наместнику или волостелю, — Н. Н.) с суда, оже доищется ищца своего, и ему имати на виноватом противень по грамотам, то ему и с тиуном; а не будет где грамоты, и ему имати противу исцева. А не доищется ищца своего, а будет виноват ищца, и ему имати на ищца с рубля по два алтына, а тиуну его с рубля по осми денег. А будет дело выше рубля или ниже, ино имати на ищца по тому ж росчету. А доводчику имати хоженое и езд и правда по грамоте. А досудятся до поля да помирятся, и ему имати по грамоте. А побьются на поля, и ему (наместнику или волостелю, — Н. Н.) имати вина и противень по грамоте. А где нет грамоты, а помирятся, и ему имати противень в полы исцева, то ему и с тиуном. А побьются на поля в заемном деле, или в бою, и ему имати противень против исцева. А побьются на поля в пожоге, или в душегубстве, или в разбое, или в татбе, ино на убитом исцово доправити, а сам убитой в казни и в продажи наместнику, то ему и с тиуном» (Судебник 1497 г., ст. 38; курсив наш, — Н. Н.).

⁶² «А имати наместником от суда пошлин: доищется ищца своего в заемном деле или в бою или в лас, и ему имати на виноватом с рубля по гривне, то ему и с тиуном; а не доищется ищца своего, а будет ищца виноват, и ему имати на ищца с рубля по тому ж, а будет дело выше рубля или ниже, ино имати на ищца или на ответчик(е) по тому ж розчету. А доводчику его имати хоженое и езд и правда по уставной грамоте; а где не будет грамоты, и ему имати в городе хоженного по четыре денги, а езд на версту по денге, а на правду в городе или в волости вдвое. А досудятца до поля, да, став у поля, помирятца, и ему имати с рубля по гривне ж, то ему и с тиуном, да полевых пошлин полтретьицать алтын (явное усиление примирения, если учесть, что, по Судебнику 1497 г., наместник и подобных случаях «имал» на себя пошлину в пол-иска исца, — Н. Н.). А побьются на поле, ино на убитом взяти полевых пош-

Во-вторых, правительство проводит в Судебнике 1550 г. постановление об обязательном протоколировании всех судебных дел, проходящих через наместничий суд. Дело должно было подписываться всеми присутствующими на суде (наместниками, старостами и целовальниками) и тщательно храниться: подлинники — у наместников, а копии — у старост и целовальников. Прямо называется и цель этого хранения — «спору для».

И действительно, вопрос о возможном «споре», конфликте между наместниками и местным населением был главным, наиболее беспокоящим правительство, предметом дополнений «уложения» о наместничьем суде в Судебнике 1550 г. Не случайно ему посвящены пять из семи новых статей, включенных в «уложение», а именно ст. 68—70 и 72—73.

Весьма показательно и само содержание этих статей, представляющих собой довольно цельную систему специальных мер по охране местного населения от возможных злоупотреблений со стороны наместников и их людей.

В первую очередь были приняты меры к запрещению любого наместничьего суда без присяжных. Даже категорическое провозглашение этого общего правила в ст. 62 было признано недостаточным (видимо, случаи невыполнения на практике соответствующих постановлений Судебника 1497 г. явно маячили и перед новыми законодателями). Вводится специальная статья (68), прямо предусматривающая случаи, когда наместнику «дан в кормление город с волостями, или ему даны в кормление волости», а в тех «волостех наперед сего старост и целовальников не было». И еще раз (кашу маслом не испортишь!) разъясняется, что «ныне в тех во всех волостех быти старостам и целовальником». Но и этого составителям Судебника 1550 г. показалось мало, и они дважды в той же статье повторяют свое предписание, разъясняя, во-первых, что «в суде быти у наместников и у волостелей и у их тиунов тех волостей старостам и целовальникам», но отнюдь не из любой волости, а обязательно из той, «ис которые волости хто ишет или отвечает», да судебные дела ишет отнюдь не любой земский дьяк, а обязательно земский дьяк «тое же волости», а во-вторых, что участие в местном суде старост и целовальников обязательно не только для наместников, волостелей и их тиунов, «за которыми кормления з боярским судом» (что имели в виду ст. 38 Судебника 1497 г. и ст. 62 Судебника 1550 г.), но и те,

лин полтора рубля, а доспека не имати. А побьютца на поле в пожеге, или в душегубстве, или в разбое, или в татбе, а убьют ответчика, ино на убитом исцово доправити, а сам убитой в казни и в продажи наместнику и его тиуну. А убьют на поле ищею в пожеге, или в душегубстве, или в разбое, или в татбе, и наместнику на нем имати с его иску четвертая пошлина по полуполтине с рубля, то ему и с тиуном, да полевых пошлин полтора рубля, а доспеку не имати» (Судебник 1550 г., ст. 62; курсив наш, — Н. Н.).

«за которыми кормления без боярского суда», т. е. те, которые не имели права суда по крупным гражданским и уголовным делам. Последнее разъяснение дает основания полагать, что до этого мелкие гражданские и уголовные дела, даже в тех городах и волостях, где уже были старосты и целовальники, рассматривались, как правило, без их участия. Поэтому-то кормленщики «без боярского суда», имеющие право рассматривать лишь эти дела, и были освобождены от присутствия на их суде старост и целовальников. Теперь же даже в мелких судебных делах кормленщики ставятся под контроль местных выборных представителей, которые не только судят с ними вместе, но и строго следят, чтобы «посула в суде наместником и волостелем и их тиуном не имати», как завершает свои императивные поучения составитель ст. 68.

Но конституировав в ст. 68 состав наместничьего суда для тех волостей, где «наперед сего» не было старост и целовальников, составитель Судебника 1550 г. уже в ст. 69 сразу же переключает свое внимание на рассмотрение вопроса о «споре» между кормленщиком и населением если истец или ответчик «оболжнivet» «судной список» наместничьего или волостелина суда или суда их тиуна. Иначе говоря, имелся в виду как раз тот случай, предвидя который («спору для») и вводится 62 ст. обязательное протоколирование и хранение судных дел.

Как же предписывала ст. 69 рассматривать эти дела? В первую очередь необходимо было вызвать для выяснения («на правду») дворского, старосту и целовальников, «которые у того дела сидели», с заверенной наместником копией судного дела. И если «судные мужи» подтвердят, что «суд таков был», подписи будут достоверные, а подлинник и его копия тождественны («сойдутся слово в слово»), то «тот виноват, кто список лживил», если же, наоборот, «скажут судные мужи, что суд был, да не таков», а подписи у списка не их и сам судный список «не слово в слово», то «по тому списку исцев иск взяти на судье, а пеню судье сверх того, что государь укажет». Но возможен и третий случай — расхождение между самими «судными мужами»: «скажет дворский, и судные мужи, и старосты, и целовальники, которые грамоте умеют, что суд был таков, а те судные мужи, которые грамоте не умеют, с нами порознятца, скажут, что был суд, да не таков», и окажется, что они правы — «тот противень с судными списками не слово в слово», то тогда «виноват судья и судные мужи, которые по списку такали» (поддакивали судье, что список якобы подлинный), почему и взять на них иски истцов, «а пеню сверх того, что государь укажет». Если же во всех этих случаях истец или ответчик «оболгавший список», не явится по вызову на суд в срок, то тогда «обвинити» его самого. ¹

Не менее беспокоил составителей Судебника 1550 г. и вопрос о предотвращении возможности произвола со стороны наместников и волостей при производстве арестов и дачи на поруки

местных жителей. Именно этому и посвящена отдельная новая статья — ст. 70. Согласно статье, наместники и волостели не могли теперь дать кого-либо на поруки ни до, ни после суда без предварительной явки этих людей в городе — городовым приказчикам, дворскому, старосте и целовальникам, а в волости — старостам и целовальникам, «которые у наместников и у волостелей и у их тиунов в суде сидят» (кстати, последнее дает основание полагать, что и городовые приказчики как представители местного дворянства «сидели» по городам в наместничьем суде).⁶³

«А кого, — гласит статья, — наместничьи или волостелины люди не явя приказщиком, да дворскому, да старосте и целовальником, к себе сведут, да у себя его окупят, и кто тем людям род и племя приидут на наместничих или на волостелиных людей к приназничком, да к дворскому, и к старосте, и к целовальником о том бити челом и являти, и приказщиком, и дворскому, и старосте, и целовальником у наместничих и у волостелиных людей тех людей выимати; и кого у наместничих и у волостелиных людей вымут скована, а им не явлена, ино на наместниче или на волостелине человеке взяти того человека безчестье, посмотри по человеку; а чего тот на наместниче или на волостелине человеке взыщет, и тот иск взяти на нем вдвое».

Как мы видим, ст. 70 ставила наместников и волостелей, по существу под прямой и очень жесткий контроль со стороны земских властей: городских приказчиков как представителей уездного дворянства, института уже превращающегося к 50-м годам XVI в. из приказного в выборный от дворянства, а также дворских как представителей посадских людей и крестьян. И именно все эти представители различных сословий выступают в статье как защитники интересов местного населения, нарушение прав которого влечет за собой столь неприятные последствия для кормленщиков в виде штрафа за бесчинства и обязанности возместить пострадавшему его иск в двойном размере.

Явно более антинаместничий характер, чем ст. 43 Судебника 1497 г., носит и переработанная с нее ст. 71, касающаяся расправы кормленщиков над татями, душегубцами и вообще «всяким лихим человеком». И в данном случае законодателя беспокоит вопрос не о том, чтобы еще раз подтвердить права и обязанности наместников, волостелей или великокняжеских, боярских и детей боярских тиунов⁶⁴ (этот вопрос считался, видимо, уже решенным в ст. 60 и не нуждающимся в дополнительном разъяснении), а чтобы не дать возможности этим кормленщикам, по имеющим права на «боярский суд», «всякого лихоу человека без

⁶³ Н. Е. Носов: Очерки по истории местного управления Русского государства в первой половине XVI века. М.—Л., 1957, стр. 194—196.

⁶⁴ По смыслу статьи, в ней (хотя это и не оговорено специально), как и в ст. 43 Судебника 1497 г., речь идет о мелких кормленщиках — «без боярского суда», а ими обычно были не бояре, а дети боярские.

докладу не продати, ни казнити, ни отпустить». В противном случае судье угрожало взыскание с него в двойном размере исцовых исков, а «в государеве пене» тюрьма «до царева государева указу». Думается, что и на этот раз главной причиной столь суровых мер против наместников и волостелей была житейская практика, дающая многочисленные примеры злоупотреблений кормленщиков, «корысти ради», предоставленной им властью, что особенно сильно восстаивало против них местное население. А именно это особенно беспокоило правительство, поставившего своей целью добиться новым Судебником как раз обратного примирения.

Но отнюдь не во всех случаях законодатели были столь суровы к кормленщикам. И это понятно, если считать примирение кормленщиков с населением главной целью составителей «уложения» о наместничьем суде Судебника 1550 г., как и прилагаемой к нему «уставной грамоты». Во всяком случае, именно в духе обоюдвынужденного компромисса звучат ст. 72—73: о имущественной ответственности населения по суду и о ложных исках. А это был один из наиболее острых вопросов местной жизни и управления того времени.

Ст. 72 устанавливала, что по городам наместники посадских людей судят и чинят над ними управу, «обыскивая по их животом и по промыслом и по розмету: сколько рублей кто цареву и великого князя подать дает». Для этого городскими старостами, соцкими и пятидесятскими составляются специальные «розметные книги», одна из копий с которых за их и земского дьяка подписями посылается в Москву к тем боярам, дворецким, казначеям и дьякам, «у кого будут которые города в приказе», а другая передается ими старостам и целовальникам, «которые у наместников в суде сидят» (последнее, кстати, еще раз подчеркивает необходимость строго отделять этих «судных мужей» от обычных земских старост и целовальников). По этим «розметным книгам» и следовало проверять, чтобы истцы не предъявляли в суд иски выше реальной стоимости своего имущества. В противном случае их иски аннулировались, а за их «вину» с них надлежало взыскать «пошлины» по Судебнику, «а в царево государство» велели дати на поруку, да прислати к Москве к государю». Особо предупреждались посадские люди о недопустимости предъявления завышенных исков к наместникам и их людям, явление, видимо, особенно распространяющееся в это время.

По иному осуществляется подобный же контроль в волостях. И тут волостели обязаны строго следить, чтобы иски не превышали «живота» челобитчика, но специальных «розметных книг» для этого не составлялось, а в случае жалоб ответчиков на завышенные иски (выше стоимости имущества истцов) проводился обыск. Для проведения обыска волостели посылали, выбирая из тех же волостей, лучших людей и одного-двух целовальников,

которые и выясняли: было ли у истца «живота его столко, на колко ищет». Если обвинение подтверждалось, то истца следовало обвинить, взять с него пошлыны, «а в государеве пене, в ябедничестве, дати его на поруку да прислати с обыскным списком к Москве».

Что же касается ст. 73, то она представляет собой простой юридический казус к ст. 72, а именно обращает внимание на необходимость выяснения в обысках: не является ли истец владельцем не только своего, но и чужого имущества, и если да, то как последнее к нему попало. Видимо, за этим стояло подозрение — не был ли истец-ябедник подставным лицом каких-то третьих лиц.

Таково содержание обеих статей. И на этот раз мы видим, что главным вопросом, волновавшим авторов нового Судебника, был вопрос о пресечении «неправедного суда», порождаемого истцами-ябедниками и их предполагаемыми покровителями из числа судей или иных лиц, но решался этот вопрос более благоприятно для наместников и волостелей, чем в предыдущих случаях, поскольку хотя выявление и надзор за подобными злоупотреблениями и возлагался на «судных мужей» (через «розметные книги» и обыски), но окончательная расправа с ябедниками переносилась на московскую почву, куда их следовало посылать «в цареве государеве пене», сюда же отсылались и копии с городских «розметных книг», а население грозно предупреждалось, что если «которого году старосты и целовальники розметных книг к Москве не пришлют, и в том году на наместника суда не дати». Все это, по мнению составителей, и должно было пресекать и ябедничество, и несправедливые жалобы на наместников. Но думается, что на практике подобная централизация вряд ли была особо плодотворна, а зачастую и реально осуществима, особенно в отдаленных от Москвы районах. Порождала она и возможность злоупотреблений со стороны московских приказных дельцов, владеющих теперь непосредственно таким реестром городских «животов», как «розметные книги».

Заканчивают «уложение» о наместничьем суде ст. 74 и 75. Первая регламентирует судебные пошлины при существовании в одном городе или волости двух кормленщиков, а вторая — правила вызова самих кормленщиков или их людей по жалобам на них в Москву на суд. Обе статьи переработаны с соответствующих постановлений Судебника 1497 г.

Ст. 74, повторяя постановления ст. 65 Судебника 1497 г., что «на котором городе будут два наместника или на волосте два волостеля, а суд у них не в розделе, и им имати пошлины по списку обема за одного наместника, а тиуном их за одного тиуна, и оне себе делят по половинам», вводит новый наказ, а как быть, если «которые города и волости поделены, а случитца им суд вопчей». Тогда, разъясняет судебник, надо им брать одну пошлину и делить между собой пополам. А если они

от этого отступят и какие-либо два кормленщика «возмут ... с одново дела пошлину вдвое, и уличат их в том», то с них «те пошлыны велети взяти втрое».

Значительно более радикально переработана в ст. 75 лежащая в ее основе ст. 45 Судебника 1497 г., обязывавшая наместников и волостелей, независимо от того, были ли они боярами или детьми боярскими, а также их людей, являться по вызовам в московский суд — «к сроку ответати ехати» на предъявленные им иски со стороны местного населения или «к сроку в свое место к ответу посылати», иначе говоря, отвечать по суду за совершенные ими в период нахождения на кормлениях «продажи» и «обида» местному населению. Обычай не новый и упоминаемый еще Двинской уставной грамотой 1397 г., Белозерской 1488 г.⁶⁵ В XVI в. он начинает более строго регламентироваться, но отнюдь не в сторону расширения прав населения о привлечении к суду наместников, а, наоборот, по линии ограничения «сроков» явки наместников в суд. Теперь они обязаны ездить в Москву лишь в те сроки, какие предоставлены населению по уставным грамотам для вызовов через пристава в великокняжеский суд, как правило, не чаще одного-двух раз в год. Так, например, в Онежской уставной грамоте 1536 г. прямо указывается, что «кому будет онежаном волостным людем и становым от наместника, и от его тиуна, и от доводчика, и от иных от наместничьих людей, и от иных от наших людей от сторонних, какова гибель, в силе и в продаже, и в потраве, и в иных обидных делах, чем их кто изобидит: и они на тех сами срок наметывают, да срок им чинят стати передо мною перед великим князем по крещенье Христово в той же день». Такой же срок был установлен по уставной грамоте и для иных дел, рассматриваемых в великокняжеском суде.⁶⁶

⁶⁵ Так, в Двинской уставной грамоте 1397 г., по которой «в Двинской земле» «мои (великого князя, — Н. Н.) наместници ходят», прямо указывается, что «приставом моим, великого князя, в Двинскую землю не въездити, всему управу чинят мои наместници. А над кем учинят продажу сильно, а ударят ми на них челом, и мне, князю великому, велети наместнику стати пред собою на срок; а не станет, ино на того грамота безсудная и пристав мой доправит». Не менее определенно говорится об этом и в Белозерской уставной грамоте 1488 г. — «а кому боудет белозерцом горожаном, и становым людем, и волостным обида от наместников и от волостелей, и от тиунов, и от доводчиков, и они сами сроки наметывают на наместников, и на волостелей, и на их людей» (АСЭИ, т. III, №№ 7, 22). Как мы видим, даже в период расцвета великокняжеской системы наместничьего управления XIV—XV вв. право населения судиться с наместниками в московском суде из-за «продаж» и «обид», учиненных им, отнюдь не рассматривалось как что-то новое, необычное, а тем более противоречащее существу этой системы. Поэтому довольно странно звучит заключение Л. В. Черепнина, который сам же констатировал прямую связь уставных наместничьих грамот со ст. 45 Судебника 1497 г., что «постановление ст. 45 явилось первым шагом на пути к отмене кормлений» (Л. В. Черепнин. Комментарий к Судебнику 1497 г., стр. 81).

⁶⁶ ААЭ, т. I, № 181.

Но в годы боярского правления в связи с общим обострением политической и социальной борьбы на местах и особенно злоупотреблениями бояр-управителей, о чем прямо и столь горячо говорится на февральско-мартовском Соборе 1549 г., этот обычай превращается в один из наиболее острых вопросов политической жизни — форму открытого гражданского протivления местного населения кормленщикам. Неудивительно поэтому, что и составители Судебника 1550 г. обратили на него максимум внимания, хотя и заняли при этом крайне осторожную и отнюдь не новаторскую позицию.

В первую очередь разъяснен вопрос об ответственности наместников за неявку в суд, явления, по всей видимости, ставшего в 40-х годах XVI в. особенно широко распространенным и вызывающим наибольшее недовольство самых различных слоев населения. Подтверждалось правило, фигурирующее еще в той же Двинской уставной грамоте 1387 г., что в случае неявки наместников на суд в установленные сроки, на них будет выдана истцу «грамота безсудная и пристав мой (великого князя, — Н. Н.) доправит», т. е. взыщет с них иск и судебные пошлины. Составители Судебника лишь вносят в это «очень старое» правило некоторые уточнения, а именно: если, как гласит статья, «не приедут сами (наместники и волостели, — Н. Н.) к ответу, а в свое место отвечать не пришлют после срока за сто верст в седьмой день («а из дальних городов росчитати по верстам по тому ж розчету», — Н. Н.), и тех обвинити и исцовы иски по жалобницам и недельщиков езд на тех доправити, да отдати иск ищеам». Поэтому мы думаем, что вряд ли правильно считать, как полагают И. И. Смирнов и Б. А. Романов, что Судебник 1550 г. «устанавливает» в этом отношении что-то новое, исходя только из того, что в ст. 45 Судебника 1497 г. не упоминается о санкциях против наместников в случае их неявки на суд.⁶⁷ На самом деле такие санкции само собой подразумевались на практике и раньше и не только потому, что о них прямо упоминает Белозерская уставная грамота 1488 г., но и потому, что сам факт предоставления населению права судиться с наместниками уже предполагал (в потенции), что в случае неявки одной из сторон на суд истцу будет выдана «безсудная грамота». Это было обычное правило всякого суда того времени. Другое дело, что в сложившихся в середине XVI в. крайне острых, конфликтных отношениях между кормленщиками и населением составители Судебника 1550 г. в отличие от своих предшественников нашли необходимым особо повторить это правило, а также особо обратить внимание на то, что оно должно сочетаться с необходимостью и строгого соблюдения судебных сроков ответчиком и правильного их уста-

⁶⁷ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 323—326; Б. А. Романов. Комментарий к Судебнику 1550 г., стр. 277—282.

новления судьей и приставом в зависимости от расстояния, которое надо проехать кормленщику из своего города в Москву. Иначе говоря, в указанной части статьи речь шла не о «установлении» (т. е. введении) гарантий истцам (ранее не применявшихся), а лишь о подтверждении и дополнительной регламентации старого «поиспатавшегося» порядка. И только в этом смысле можно согласиться с Б. А. Романовым, что «практически самое важное в ст. 75 — это гарантия истцам из числа управляемых, что ни при каких условиях суд по иску не будет отставлен или отложен ухищрением ответчика», — «и в этой сфере ждать в ст. 75 каких-либо послаблений и льгот кормленщикам — исторически исключено».⁶⁸

Но льготы кормленщикам все-таки были сделаны и не только «в сфере дел уголовных и преступлений служебных», постановления по которым ст. 75 Б. А. Романов рассматривает (в отличие от И. И. Смирнова) как, «пожалуй, и льготу для наместников»,⁶⁹ но и в отношении частных исков населения к наместникам и волостелям в целом.

Во всяком случае трудно по-другому оценить специальное разъяснение ст. 75 вопроса о «сроке» явки наместников в суд, гласящее, что «срочных по приставым на наместников и на волостелей и на их тиунов не наметывати», поскольку приставам «з записми» на них можно посылать только по «ведомым разбойным делам» и делам административным — «приказным», «в которых делех велит государь дати запись». В остальных же случаях приставам «з записью» по наместников, волостелей и их тиунов «давати» лишь при условии — «велети им чинити срок, как съедет з жалования, oprичь тех записей, которую запись велят дати бояре, приговоря вместе; а одному боярину и дьяку пристава з записью не дати» (курсив наш, — Н. Н.).

Запрещение давать на наместников «срочные» приставные грамоты, т. е. вызывать их в московский суд к заранее определенному судьей, по просьбе истцов, сроку, было безусловно значительной уступкой кормленщикам, независимо от того, какими конкретно причинами оно было вызвано — защитой их интересов (что менее вероятно в данной ситуации) или стремлением правительства избежать дезорганизации местного управления (что более вероятно) — из-за участвовавших поездок кормленщиков в Москву в любое время и по любому частному иску, что из дальних мест вообще было почти невозможно. Во всяком случае, в конце XV в. население данным правом пользовалось достаточно широко: «А кому боудет белозерцом горожаном, и становым людем, и волостным обида от наместников и от волостелей, и от тиунов, и от доводчиков, — читаем мы в той же Белозерской

⁶⁸ Б. А. Романов. Комментарий к Судебнику 1550 г., стр. 281.

⁶⁹ Там же, стр. 282.

уставной грамоте 1488 г., — и они сами сроки наметывают на наместников, и на волостелей и на их людей» (курсив наш, — Н. Н.). Вряд ли такие обычаи существовали только на Белоозере. Если же это так, то ликвидация их правительством — отнюдь не расширение прав населения.

Новым в ст. 75 скорее была узакониваемая ею практика вызова кормленщиков на суд по приставным «з записью», т. е. с приводом или дачей на поруки. Эта практика, как мы видим, фиксируется статьей дважды и каждый раз в весьма категорической форме: сперва как право посылки приставов «з записями» по наместников и волостелей в разбойных и приказных делах, «в которых делех велит государь дати запись», а потом как право посылки приставов «з записми» и по иным делам, но с установлением срока явки наместников на суд после их съезда «з жалования», кроме случаев, когда «запись велят дати бояре, приговоря вместе», и оговоркой, что одному боярину и дьяку «пристава з записью не дати». Если первое разъяснение (о делах разбойных и приказных) вряд ли требует особых пояснений, то второе не вполне ясно. Во-первых, что это за дела, при которых по приговору бояр можно посылать к наместникам приставов «з записями» и до съезда их «з жалования», иначе говоря, в любое время, а во-вторых, касается ли оговорка того, что «з записями» нельзя посылать одному боярину и дьяку всех подобных посылок или только дел, по которым наместники вызывались в суд во время службы (до съезда «з жалования»)? Комментаторы ст. 75 отвечают на этот вопрос по-разному.

М. Ф. Владимирский-Буданов считает, что в отличие от разбойных и приказных дел, по которым наместники вызывались в суд распоряжением великого князя, в данном случае имелись в виду дела «тоже уголовные, но вчиняемые по частному иску», и «такую запись для привода наместника по жалобе частного истца может выдать только Боярская дума..., а не один какой-либо приказ».⁷⁰ И. И. Смирнов не согласен с М. Ф. Владимирским-Будановым и полагает, что в первом и втором случаях имелась в виду одна и та же категория дел — дела разбойные и приказные. Что же касается того, что в первом случае приставные даются по повелению великого князя, а во втором — боярскому приговору, то, по мнению И. И. Смирнова, это лишь «две последовательные стадии» установленного самим же Судебником «прохождения в высших государственных органах вновь издаваемых законов», по формуле — «с государева доклада и во всех бояр приговору». Поэтому разбойные и приказные дела и следовало, как он считает, разбирать «немедленно», по остальным же наместники привлекались к ответственности уже после оконча-

⁷⁰ М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. II, Киев, 1915, стр. 163.

ния службы.⁷¹ К мнению И. И. Смирнова присоединяется Б. А. Романов, хотя с оговоркой, что «ниоткуда не видно, чтобы срок явки для наместников (по разбойным и приказным делам, — *Н. Н.*) „чинился приставом“ „немедленно“: здесь все зависело от того, как „велит государь“ и „приговорят“ вместе „бояре“».⁷²

Мы считаем, что более правильную позицию занимает все-таки М. Ф. Владимирский-Буданов, хотя и его комментарий требует существенных уточнений.

Дело в том, что предложенное И. И. Смирновым (и принятое последующими исследователями) отождествление разбойных и приказных дел, по которым кормленщики и их люди вызывались «з записями» на суд по повелению великого князя, с делами, по которым «з записями» вызывают бояре, «приговоря вместе», представляется нам неубедительным.

Трудно допустить, чтобы при срочных вызовах в Москву по разбойным и приказным делам наместников, волостелей и великого князя тиунов и даже доводчиков и иных «их людей» (а именно все эти категории специально перечисляются в ст. 75) каждый такой вызов, вернее решение о нем должно было приниматься так же, как предусмотрено Судебником 1550 г. принятие новых законов, а именно «с государева доклада и со всех бояр приговору». Это было вряд ли возможно уже в силу одного того, что даже крупных кормлений насчитывалось в то время несколько сотен, а разбойные и приказные дела были явлением отнюдь не единичным, и не могла же Боярская дума только и делать, что заседать «о кормлениях», а главное слишком уж это было бы «почетно» для кормленщиков, основную массу которых составляли отнюдь не бояре (решения о вызове которых в суд, может быть, и были прерогативой только Боярской думы), а служилые люди самых различных калибров, чтобы они могли быть вызваны в суд, да еще по делам уголовным и служебным только по решению Боярской думы. И уж тем более неправдоподобно распространение такой льготы на тиунов и доводчиков, являвшихся не кем иным, как простыми послужильцами и холопами кормленщиков. А именно так, казалось бы, следует толковать ст. 75, если последовательно проводить точку зрения И. И. Смирнова, поскольку в статье никаких разграничений между наместниками и волостелями и их людьми не проводится.

Наконец, зачем же составителю одной и той же статьи потребовалось пользоваться различными определениями (или частями формулировок — в первом случае ее начальной частью, а во втором — конечной, как полагает И. И. Смирнов) для обозначения одного и того же правительственного акта — оформления сроч-

⁷¹ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 324—325.

⁷² Б. А. Романов. Комментарий к Судебнику 1550 г., стр. 279—281.

ного вызова кормленщика в суд. Не проще ли это объяснить тем, что это были различные акты, а следовательно, и различные судебные инстанции, их издающие и осуществляющие.

Ведь нельзя забывать, что и «ведомые» разбойные и приказные дела (должностные преступления) были делами как бы особого порядка, решавшимися не на состязательном процессе в боярском суде, а путем розыска (следственного процесса), осуществлявшегося обычно от имени великого князя тем приказом, кому та или иная отрасль управления была поручена. Да и сами дела возникали тут в большинстве случаев не по частным искам. Другое дело обычные уголовные (не о «ведомых лихих людях») и особенно гражданские дела, возбуждаемые частными лицами. Верховной судебной палатой в этих делах и была Боярская дума, из состава которой и выделялись специальные боярские комиссии из нескольких бояр и дьяков, которые рассматривали наиболее крупные дела; более мелкие дела решались по поручению великого князя одним боярином или дьяком.

Эти два вида московского суда и различает (а не смешивает) ст. 75; первый — административный (следственный), на который наместники и волостели вызывались великокняжескими указами, посылаемыми соответствующими приказами, и второй — обычный уголовный или гражданский по частным искам (состязательный), вызов на который наместников и волостелей во время службы производился лишь по решению самой Боярской думы, но это категорически запрещалось делать одному боярину или дьяку.

Однако это отнюдь не означает, как это истолковывают И. И. Смирнов и Б. А. Романов, что, вообще, даже после съезда «з жалование», наместники, волостели и их люди не могли быть вызваны в суд по распоряжению одного боярина и дьяка, возглавляющих тот или иной приказ или судящих по поручению великого князя их дело. Если бы это было так, то тогда теряет всякий смысл имеющееся в статье логическое и смысловое противопоставление вызовов кормленщиков «з записями» на суд после службы (разрешаемых) и во время службы (запрещаемых, кроме случаев, когда «приговорит вместе» бояре). Иначе говоря, зачем составителям ст. 75 понадобилось делать оговорку «опричь» и выделять право на вызовы, при условии, что решение об этом принято боярами вместе, а одновременно утверждать, что каждый вызов, по любому делу и в любое время, может производиться только при коллегиальном решении об этом бояр, а не может быть сделан одним боярином и дьяком. При чем же тогда «опричь», если исключение — общее правило?!

Во всяком случае выдача приставных на кормленщиков иногда и до их съезда с кормлений производилась не обязательно только по «ведомым» разбойным и приказным делам и только по особому повелению великого князя, но и в условиях обычного боярского суда, что наглядно показывает та же ст. 24 Судебника

1550 г., определяющая порядок суда в случае исков к наместникам и волостелям иногородцев.

В статье прямо указывается: «А которые люди иногородцы учнут бити челом на наместников или на волостелей о обидных делах, как те наместники или волостели, едучи на жалованье, и на жалованье живучи, или едучи з жалования, кого чем избыдят, и тем людем иногородцом приставов на наместников и по волостелей и по их людей и до съезду з жалования давати, а велети тем наместником и волостелем присылати в свое место к ответу людей своих. А которые иногородцы не учнут о тех своих обидных делах бити челом на наместников и на волостелей и на их людей до году, и тем людем тогда приставов и суда на наместников и на волостелей и на их людей не давати».

Как мы видим, в ст. 24 ничего не говорится о том, что наместники не могут быть вызваны на суд по челобитьям иногородцев во время нахождения на службе, а, наоборот, прямо предписывают, чтобы «тем людем иногородцом» приставов на наместников «давати» и «до съезду з жалования». Может быть, это и был как раз один из тех случаев, о которых говорит ст. 75, относя их к компетенции Боярской думы или иной судебной боярской коллегии. Ведь, согласно ст. 7, к боярину, дворецкому, казначею или дьяку предлагалось чинить суд и управу, если к нему «придет жалобщик его приказу», а в случаях, рассматриваемых ст. 24, это было, как правило, невозможно осуществить, поскольку кормленщик тянул судом по одному городу, а следовательно, и одному приказу, а истец-иногородец был приписанным к другому. Получался как бы «сместный суд», который должен был осуществляться не одним боярином или дьяком, а всеми заинтересованными боярами коллегиально, «приговоря вместе», как определяет подобную процедуру ст. 75. Другое дело, что ст. 24 не только разрешает (по образцу ст. 75), а «велит» наместникам, «до съезда з жалования» «посылати в свое место к ответу людей своих», что вряд ли можно оценить иначе, как рекомендацию наместникам во время службы не ездить в Москву. И второе — это ограничение годичным сроком права иногородцев подавать челобитья на наместников и волостелей. Похоже, что годичный срок подачи жалоб на наместников отсчитывался с момента их съезда «з жалования» и применялся не только в отношении иногородцев.

Таким образом, рассмотрение ст. 75, не только тематически, но идейно как бы завершающей собой «уложение» о наместничьем суде Судебника 1550 г., дает наглядный пример компромиссного решения вопроса о «праведном суде» и «управе» между боярством и населением, вопроса, который по существу являлся краеугольным камнем всей деятельности Земского собора 1549 г. и который, согласно хрущевской Степенной книги, получил столь необычное для того времени разрешение в создании особого Челобитного приказа во главе с А. Адашевым для приема и разбора

прошений и жалоб царю от населения. По существу и ст. 24 и особенно ст. 75 являются прямым циркуляром для деятельности этого нового учреждения. А это в свою очередь дает нам еще одно доказательство в пользу уже ранее высказанной точки зрения, что именно собором 1549 г. было принято решение о составлении нового Судебника, одно из центральных мест в котором должно было занять «уложение» о наместничьем суде, основу которого и составляют ст. 62—75. Ведь не случайно как раз в составе этого «уложения» мы находим в виде ст. 64 единственное дошедшее до нас постановление Собора 1549 г., а именно постановление о неподсудности наместникам детей боярских, записанное в нем в виде формулы: «А детей боярских судити наместником по всем городом по нынешним царевым и государевым жаловальным вотчим грамотам», т. е. грамотам, которые, после принятия на Соборе 29 февраля 1549 г. «уложения», «что во всех городех Московские земли номестником детей боярских не судити ни в чем, опричь душегубства и татьбы и разбоя с поличным», были «посланы» «во все города детям боярским».⁷³

ВМЕСТО ВЫВОДОВ

Рассмотрение постановлений Судебника 1550 г. по вопросам местного управления показывает, таким образом, что основной целью, которую преследовали его составители, было стремление путем взаимных уступок и бережения во всем «правительственного интереса» (об этом составители Судебника пеклись особенно усердно) урегулировать отношения между кормленщиками и широкими слоями местного населения — посадскими людьми и волостными крестьянами. Что касается взаимоотношений кормленщиков с местным дворянством, то этот вопрос был уже решен на февральском Соборе 1549 г., и Судебник 1550 г. лишь подтверждает принятое на нем «уложение» об освобождении детей боярских от наместничьего суда, «опричь душегубства и татьбы и разбоя с поличным», констатируя в ст. 64, что «детей боярских судити наместником по всем городом по нынешним (т. е. разосланным во исполнение решений Собора 1549 г., — *Н. Н.*) царевым государевым жаловальным вотчим грамотам».

Но вряд ли подобное царское благодеяние могло успокаивающе подействовать на черных посадских и волостных мужиков, кото-

⁷³ С. О. Шмидт. Продолжение хронографа редакции 1512 года, стр. 296. — Подробный анализ ст. 64, а также выяснение ее происхождения дается И. И. Смирновым и Б. А. Романовым (см.: И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 397—352; Б. А. Романов. Комментарий к Судебнику 1550 г., стр. 255—264). — «Ст. 64 Судебника 1550 г., — отмечает И. И. Смирнов, — является одной из центральных по своему значению статей, ибо в ней выражена политическая линия Судебника 1550 г. в отношении дворянства, помещиков» (там же, стр. 337). Такой же точки зрения придерживается и Б. А. Романов.

рые уже на примере губной реформы знали, к чему ведет усиление позиций дворянства в местном управлении. Ведь как-никак, а именно дворяне были наиболее активными сторонниками опомещивания черных крестьянских земель, а следовательно, и противниками предоставления волостным мирам широкой политической самостоятельности. А отсюда, естественно, что чем сильнее укрепляло свои позиции дворянство, тем настойчивее добивалась политических привилегий посадская и волостная верхушка («лучшие и середние люди»), рассматривая их как законное и столь необходимое им в новых экономических и политических условиях средство защиты своих классовых интересов. И главным первоочередным требованием этих сельских и городских богатеев, а как раз они-то реально и хозяйничали во всех мирских делах на посадах и волостях, было земское самоуправление: право самим собирать налоги и «творить суд и управу» на местах (исконное политическое требование третьего сословия во всех феодальных монархиях эпохи первоначального накопления).

Обещания «праведного» царского суда между крестьянами и кормленщиками, столь «умильно» и неожиданно возжеланного боярами и столь милостиво провозглашенного царем на Соборе 1549 г. (надо же было хотя бы выиграть время), естественно не решали вопроса. Да и вообще, как очень скоро показала практика, создание в Москве особого челобитного ведомства во главе с Алексеем Адашевым, призванного, как заверял царь, охранять население от любых злоупотреблений бояр-управителей, не столько сдерживало, сколько стимулировало (вопреки замыслам его инициаторов) борьбу посадских и волостных миров против кормленщиков.⁷⁴ А ведь именно они в конечном счете представляли интересы феодалов на посадах и в черных волостях. То же, что этой борьбе придавался по Судебнику 1550 г., казалось бы, «законный» характер, делало ее даже более социально опасной для феодалов — тут уж не объявишь «черных мужиков» просто смутьянами и нарушителями общественного порядка.

Поэтому-то, как ни опасалось правительство земской реформы (все могло быть, когда «черные мужики» сами начнут решать

⁷⁴ Во всяком случае, как прямо указывают дошедшие до нас земские уставные грамоты 1555—1556 гг., одной из главных причин повсеместной отмены кормлений был непомерный рост, именно в последующие после Судебника годы (и, безусловно, под его прямым влиянием), взаимных судебных исков и тяжб между наместниками и крестьянами. И именно от этого, как отмечают те же грамоты, во всем государстве чинятся «убытки великие», «продажи» и «разорение», а великому князю от этих «великих челобитей» «докука беспрестанная», а посадам и волостям запустение (Земская уставная грамота посадским людям Соли-Переславской от 11 августа 1555 г. В кн.: Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909, стр. 113—114. Ср.: Земские уставные грамоты переяславским рыбакам от 15 августа 1555 г. и крестьянам Усецких и Заецких волостей Устюжского уезда от 15 октября того же года. Там же, стр. 116—117, 120—121).

свои земские дела), оно было вынуждено одновременно пойти (и это тоже было закреплено в Судебнике) на хотя бы частичное предоставление посадам и волостям земского самоуправления, попытаться путем привлечения земских представителей к местному управлению укрепить авторитет и влияние правительственных органов на широкие слои местных тяглых обществ; а главное погасить рост открытой антифеодальной борьбы на местах. Правда, как показывает Судебник 1550 г., первоначально речь шла отнюдь не об отмене вообще наместничьего управления, а лишь о повсеместном введении при наместниках и волостелях института выборных судебных старост и целовальников, обязанных участвовать в их суде в качестве присяжных судебных заседателей — блюстителей интересов посадских и волостных миров. Да и делалось все это правительством отнюдь не бескорыстно, а в целях (и это главное) подъема тяглотоспособности местного населения («государева прибытка ради») и возложения на сами черные миры охраны общественного порядка на местах.

Но на подобных полумерах правительство молодого царя не смогло остановиться (слишком, видимо, острой и непрочной была политическая обстановка в стране) и уже на Стоглавом соборе 1551 г. (всего через полгода после принятия Судебника Боярской думой), наряду с утверждением нового Судебника, который, как мы видели, и закрепил все эти постановления, по предложению царя, принимаются в дополнение к нему («под судебник») еще специальные «уставные грамоты» по вопросам организации земского самоуправления. Эти «уставные грамоты», если верить царской соборной речи, были подготовлены правительством, так же как и сам Судебник, во исполнение рекомендаций февральского Собора 1549 г. (когда «в преидущее лето» бояре, приказные люди и кормленщики «со всеми землями помирились во всяких делех») и закрепляли устроении (царь заверял, что теперь-то он все уже «устроил») «по всем градом и пригородком, и по волостем, и по погостом и у детей боярских» старост, целовальников, соцких и пятидесятских.⁷⁵ Образец подобной «уставной грамоты, которой в казне быти», царь и предлагал, «на святем соборе утвердив и

⁷⁵ Что касается упоминания в вышеприведенном контексте царской соборной речи детей боярских — будто бы старосты «устроены» и у них и это тоже закреплено в уставных грамотах, то маловероятно, что имелись в виду, как это полагают в комментариях к Судебнику 1555 г. И. И. Смирнов и Б. А. Романов, царские «вопчие» грамоты, разосланные узадным детям боярским об освобождении их от наместничьего суда согласно соборному приговору от 29 февраля 1549 г. (Б. А. Романов. Комментарий к Судебнику 1550 г., стр. 185—187). Ведь никаких старост эти грамоты не учреждали. Более похоже, что речь шла просто о губных старостах, которые в районах поместно-вотчинного землевладения выбирались по волостям именно из детей боярских, а как раз новый Судебник окончательно санкционировал повсеместность губных учреждений (возможно, что к нему были подписаны и образцы губных грамот, о которых упоминает ст. 64).

вечное благословение получив», «подписать» вместе с новым Судебником.

Собор, как явствует из Стоглава, ссылающегося на эту «уставную грамоту», наряду с новым Судебником, как на уже принятый закон, выполнил царское предложение. Судебник и уставная грамота были утверждены. Отныне «князем и бояром, и дворецким, и по градом наместником и всем мирским судиям», в числе которых прямо называются и «земские старосты, которым велено в суде быти», было предписано, как гласит Стоглав, «судить» и «управу чинить» в сместных делах (т. е. делах между монастырскими слугами и крестьянами, и детьми боярскими, и посадскими людьми, и «всяческими черными людьми») вместе с церковными судьями «по Судебнику и по царской уставной грамоте и по соборному уложению», да и по ним же («цареву Судебнику и уставной грамоте») имать пошлины на виновных.⁷⁶ Совершенно ясно, что по подобным же двум взаимодополняющим узаконениям должен был осуществляться теперь и обычный (не сместный) мирской суд на местах по всем городам и волостям.

Но значение указанной «уставной грамоты» на практике, видимо, далеко выходило за рамки простого дополнения к новому Судебнику. Дело в том, что, как показывает изучение дошедших до нас земских уставных грамот 50-х годов XVI в., выданных отдельным посадам и волостям (сама «уставная грамота, которой в казне быти», пока, к сожалению, не найдена), и их сопоставление с актовым материалом, именно на Соборе 1551 г. — и явно вопреки первоначальному замыслу правительства о справедливом распределении поместий, кормлений и «всяких приказов» между всеми служилыми людьми, а отнюдь не об упразднении кормлений (второй вопрос царского летнего проекта реформ) — было принято общее решение о переводе посадов и волостей на откуп, иначе говоря, о начале проведения земской реформы, но не сразу, а постепенно и сперва применительно лишь к тем посадам и черным волостям, которые были к этому, с точки зрения правительства, наиболее приспособлены, а главное — наиболее активно этого добивались. И самое любопытное, что как раз правовой основой для такого решения, видимо, и являлась подписанная под Судебник «уставная грамота», постановления которой были, всего вероятнее, так сформулированы, что могли быть использованы одновременно и как *уставная грамота наместничьего управления*, контролируемого и дополненного новыми земскими органами (выборными старостами и целовальниками), и как *уставная земская грамота* в случае передачи казной тех или иных посадов и волостей на откуп (поэтому-то она и хранилась именно в казне). Во всяком случае, земские уставные грамоты 1555—1556 гг. (несмотря на то что они были приняты во исполнение уже вто-

⁷⁶ Стоглав, главы 67 и 68.

рого царского приговора о земской реформе — «приговора» «о кормлении и службе» 1555 г.) прямо называют Судебник 1550 г. вместе с «уставной грамотой» тем новым царским «уложением», «о суде по всей земле», которым должны руководствоваться земские выборные органы, учреждаемые теперь уже повсеместно и в обязательном порядке.⁷⁷

Наконец, нельзя забывать, что впервые сама практика передачи отдельных посадов и волостей на откуп начала применяться правительством сразу же после Стоглавого собора 1551 г. (а отнюдь не после приговора 1555 г.) и, конечно, не вопреки, а по его прямым рекомендациям и на основе принятого нового царского «уложения о суде по всей земле».⁷⁸ Но это уже новая

⁷⁷ Так, в земской уставной грамоте посадским людям Соли-Переяславской от 11 августа 1555 г. прямо указывается: «И мы того их излюбленного судью (речь идет об «излюбленном судье»-«излюбленном старосте», выбранном посадскими людьми, — *И. Н.*) велели к целованию привести, что ему *посадских и волостных людей судити и управа чинити по Судебнику и по уставной грамоте, как есмь уложили о суде во всей земле*». (Эта «уставная грамота», конечно, не губная, поскольку, как разъясняется далее соли-переяславским посадским людям, «в разбойных делах городских и волостных людей судити их и управлети губным старостам (а отнюдь не посадским «излюбленным старостам», — *И. Н.*) по их губным уставным грамотам и по наказным спискам»). И как итог — «а *учнут выборные судьи судити и управу меж крестьянства чинити прямо, по нашему уложению, по Судебнику и по уставной грамоте, безволочитно и безпосуано, и оброк за волостелины доходы абирати и к нам (к великому князю, — *И. Н.*) на срок привозити сполна*», и они будут великим князем «пожалованы». (Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства, стр. 113—116, курсив наш, — *И. Н.*). Эти указания и ссылки на «суд и управу» «по Судебнику и уставной грамоте», которые должны осуществлять новые земские власти, приводятся и в двух других дошедших до нас земских уставных грамотах 1555 г., а именно грамоте переяславским рыболовам от 15 августа (в которой, правда, нет специальных разъяснений о суде по разбойным делам) и грамоте крестьянам Усецких и Заецких волостей Устюжского уезда от 15 октября (там же, стр. 116—123). И везде эти указания излагаются как общенормативные, обязательные для всех новых земских властей.

⁷⁸ Мы имеем в виду Мало-Пенежскую уставную земскую грамоту от 25 февраля 1551 г. и почти полностью идентичную ей Важскую грамоту от 21 марта 1552 г., т. е. земские грамоты, хронологически отделенные от Стоглава всего одним годом. А реально разрыв еще короче. Дело в том, что обе эти грамоты были посланы на Пинегу и Вагу только после того, как уже, по полученному ранее царскому распоряжению, там были произведены сами выборы новых земских властей и результаты этих, уже состоявшихся выборов были санкционированы Москвой. Иначе говоря, указанные земли получили первую царскую грамоту о предоставлении им земского самоуправления еще в конце 1551 г. (ведь только на поездку санным путем из Москвы до Ваги или Малой Пинеги и обратно требовалось минимум два-три месяца, а надо еще учитывать время, необходимое для проведения выборов, что в столь большом и малонаселенном крае вряд ли можно было сделать в срочном порядке). Следовательно, у нас есть вполне реальные основания рассматривать введение земского самоуправления в Важском и Пенежском крае как акты не 1552 г., а 1551 г., отделенные от Стоглавого собора всего какими-нибудь 5—6 месяцами и относящимися как раз ко времени, когда (после мая 1551 г.)

глава исследования — глава уже не о предпосылках, а о самой земской реформе. А пока нам хотелось бы лишь подчеркнуть (и это, пожалуй, главный вывод настоящей статьи), что именно

правительство Ивана IV наиболее активно добивалось реализации принятого на нем решений. Что касается близлежащих от Москвы районов, то в них, как показывает земская откупная грамота владимирской Плесской волости от 28 февраля 1551 г., введение откупной системы стало осуществляться сразу после Стоглава, хотя, возможно, и в несколько иных формах, чем на черносошном Севере (названные земские грамоты опубликованы: Наместничьи, уставные и земские грамоты Московского государства, стр. 101—113; А. И. Копанев. Уставная земская грамота крестьянам трех волостей Двинского уезда 25 февраля 1552 г. Исторический архив, кн. VIII, 1953, стр. 7—20). Но самым показательным является то, что и Мало-Пенежская и Важская земские уставные грамоты 1552 г., говоря о причинах отмены кормлений, прямо называют главной причиной свода кормленщиков общее запустение посадов и волостей от наместников, «обыскных грамот» (иначе говоря, различных сысков и правей правительственных и местных властей) и «лихих людей» (обычное для правительства поименование не только уголовных, по любым местным антифеодальных элементов, например беглых холопов или воставших крестьян и казаков). И именно от этого, как указывается в обеих земских грамотах, «в станах и в волостях многие деревни запустели и крестьяне-де у них от того насилов и продаж и татей с посадов разошлись по иным городам, а из станов и волостей христиане разошлись в монастыри безсрочно и без отказа, а иные де посадские люди и становые и волостные кой-куда безвестно разбрелись порознь, и на тех-де на достальных на посадских людех и на становых и на волостных крестьянх наши ... наместники и их тиуны корм свой, а праведчики и доводчики побор свой, емлют на них сполна, а тем де посадским людям и становым и волостным достальным христианом вперед от наших наместников и от их пошлинных людей, от продаж, всяких податей тянуть сполна немочно». Совершенно ясно, что все это касается всей страны в целом, а отнюдь не Малой Пенежки и Ваги, в первой даже не было ни городов, ни монастырей, и поэтому к ней вообще никак не применимы перечисляемые в полученных земских грамотах причины введения земского самоуправления. Перед нами безусловно какой-то общий формуляр, имеющий в виду в первую очередь отнюдь не окраинные северные районы страны. Наоборот, специальное упоминание о массовом переходе крестьян «безсрочно и без отказа» наводит на мысль, что это касалось в равной степени как черных, так и владельческих крестьян (а их на Севере тоже почти не было), среди которых особенно строго соблюдалось установленное еще Судебником 1497 г. право перехода крестьян только за неделю до и неделю после Юрьева дня. Да и вообще беспокоило правительство отнюдь не бедственное положение посадских и волостных крестьян само по себе (не в «крестьянолюбии» тут было дело), а резкое падение тягlosigkeit населения, которому от всей этой порухи «вперед всяких податей тянуть сполна не мочно». Ущерб казне, а следовательно, и общее падение доходов феодального государства (и, конечно, самих феодалов) — вот причина введения земского самоуправления, согласно этим грамотам. Как она созвучна и Судебнику, и царскому проекту реформ от лета 1550 г., где красной нитью проходит вопрос о необходимости принятия мер к борьбе с общим разорением и крестьянскими переходами (отсюда ведь и необходимость всеобщей переписи земель)! Наконец, та же антимонастырская тенденция — против перехода к монастырям крестьян и посадских людей (вопрос о слободах). И не потому ли в этих земских грамотах (в отличие от грамот 1555 г.) нет ссылки на «уставную грамоту» (а называется лишь Судебник), что они сами-то и являлись ее пересказом в применении к пере-

Собор «примирения» 1549 г. был, с нашей точки зрения, тем исходным политическим событием в жизни России XVI в., которое предопределило начало земской реформы, а следовательно, и превращение самого Русского государства в сословно-представительную феодальную монархию, призванную, казалось бы, удовлетворять интересы отнюдь не только поднимающегося помещного дворянства. Россия была на перепутье.

даваемым на откуп посадам и волостям (не могла же она сама на себя ссылаться). Что касается правовых норм, вводимых этими двумя земскими грамотами 1552 г., то они, действительно, в полной мере «подписаны» под новый Судебник. Но это уже предмет особого разговора.